

ЕВРОПЕЙЦЕВА АЛЕКСАНДРА

МАРИЦА
ИСТОК

Европейцева Александра Марица. Исток.

<https://litres.ru/74238554>

Аннотация

Прошло пять лет. Марица, тайная дочь короля и королевы, добилась всего сама: она блестящая выпускница Академии, маг на пороге вступления в Высший Совет и специалист, которого боятся и уважают. Двор считает ее фавориткой кронпринца Истера, с которым у нее сложились тёплые, хоть и непростые отношения, но никто не догадывается об её истинном происхождении.

Её размеренная жизнь, наполненная работой и попытками отбиться от щедрых подарков встревоженных родителей, рушится дважды. Сначала личным потрясением: в столицу возвращается генерал Демитр, с которым её связывают давние чувства и незажившие раны. Узнав о измене жены, он развелся, ищет утешения, и старая искра между ним и Марицей разгорается с новой силой, угрожая нарушить хрупкое равновесие при дворе.

Но вслед за личной драмой приходит глобальная катастрофа. Старое видение Марицы о конце мира начинает сбываться: реки мелеют, земля трескается, а по всему миру вспыхивает смертельная болезнь. Причина — могущественный Иллюзион, чьи манипуляции с магическим Истоком вышли из-под контроля. Чтобы спасти мир, Марице предстоит возглавить

опасную миссию в самое сердце враждебных земель. Рядом с ней будут верные друзья и неожиданные союзники. Ей придется найти выход, чтобы окончательно победить Иллюзион и определить свою судьбу — между долгом принцессы, силой мага и любовью к генералу.

Это вторая часть цикла о Марице. Первая книга доступна по ссылке -

Дизайн Кравченко Наталья (@superli1978). Разрешение на использование получено.

Содержание

Глава 1. Измена	5
Глава 2. Ревизия	11
Глава 3. Новости	29
Глава 4. Младший маг Совета	46
Глава 5. Сны и встречи	68
Глава 6. Поместье Янгов	83
Глава 7.	100
Глава 8. Бал во дворце	117
Глава 9. Нападения.	138
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Глава 1. Измена

— Ты не можешь так со мной поступить!

Красивая хрустальная ваза громко ударилась об стену, разбиваясь на сотни осколков. Я не обернулся. Вцепившись пальцами в подоконник, я всматривался в скупой пейзаж за окном. Только это и удерживало меня от того, чтобы не свернуть шею Ладении.

— Ты не можешь подать прошение о разводе, Демитр! Это скандал! — ее голос, обычно сладкий и томный, визжал, словно плохо смазанная пила.

— Скандал? — мой собственный голос прозвучал на удивление равнодушно. И это спокойствие обошлось мне дорогой ценой. Челюсти свело так, что вот-вот треснут зубы, а внутри все клокотало от ярости. — Тогда, наверное, не стоило изменять мне с моими же подчиненными.

— Как будто я единственная, кто имеет любовников! — она фыркнула. — Наш брак был заключен по расчету, любви и верности я тебе не обещала!

— Не единственная. Это так, — из моей груди вырвался тяжелый, раскаленный вздох. — Вот только другие аристократки умеют это делать тайно. Но то, чем ты с Радольсом занималась на конюшне, видела половина моего взвода. Они офицеры, Ладения, а не слепые котята.

— Ты мог бы заставить их замолчать! Ты — генерал! По-

думал бы о детях! — она попыталась сменить гнев на милость, ее голос дрогнул.

— Я о них и думаю! — я, наконец, рванулся от окна.

Она инстинктивно отпрянула, наткнувшись на спинку кресла.

— Интересно, что будут говорить в обществе о них, а? Как у двух драконов родились маг и демон? Мага — еще допущу, в нашем роду такие союзы бывали. Но демон? Демоническая кровь среди аристократии Ангара? Ее не было ни в твоём роду, ни в моем!

Я до последнего верил, что где-то в предках затерялся незаконнорожденный полукровка. Верил, пока не велел сделать магический анализ.

Я достал из кармана мундира смятый листок пергамента, развернул его, и швырнул ей под ноги.
— Вот твой скандал, Ладения. Прочитай и заткнись, наконец.

Я посмотрел на жену. Тонкая талия, длинные, роскошные белоснежные волосы, которые впервые на моей памяти были в беспорядке. В ее прядях еще была видна солома, а платье смялось. От неё пахло чужим потом, сеном и дешёвым вином — аромат предательства, который въелся в стены этого проклятого поместья так же глубоко, как и в наш брак.

Сейчас она была мне омерзительна.

— Я и не ждал от тебя верности, но хотя бы уважения! Я готов был терпеть любовника, мужчину, которого ты полюбишь! Мы обсуждали это еще до свадьбы. В ответ я

лишь просил, чтобы ты была со мной честна! Но Ладения... Шесть! Шесть офицеров за пять лет! Это уже не измена, это насмешка! Я оплачивал все счета твоего отца! Все, что он проигрывал! Я осыпал тебя драгоценностями, не жалел денег на новые платья! Ты была обеспечена всем! Неужели я многого просил — хотя бы иллюзию благопристойности, чтобы мое имя не поносили во всей армии! «Не смог удержать жену в узде!»

— Ты попросил назначение сюда, в Фирт! На границу с Иными землями! — перебила она, пытаясь вернуть инициативу. — И это ты сделал, даже не посоветовавшись со мной!

— Ты могла бы остаться в столице! Я предлагал!

— И жить под вечным контролем твоей матушки? Надевать, что она скажет. Ходить в гости к тем, на кого она укажет!

Я сжал кулаки так, что кожа на костяшках побелела. Воздух в комнате гудел от напряжения, будто перед грозой.

— Ты права, — сказал я тихо, и она замерла, уловив в моем голосе нечто опаснее крика. — Мать действительно любит контролировать. Но хотя бы она не позорит наш род, развалившись в обнимку с лейтенантом на сеновале.

Ладения побледнела. Её губы задрожали, но я уже не видел в ней той надменной аристократки, отличавшейся своей холодной красотой. Передо мной стояла испуганная, жалкая женщина, пойманная на лжи.

— Хорошо! — ее голос сорвался, потеряв всю театраль-

ность, став просто сдавленным и усталым. — Я уеду. Завтра же. Соберу детей и...

— Дети остаются со мной, — холодно оборвал я. — Вдали от сплетен и твоего разлагающегося влияния.

— Ты не можешь просто так забрать их! — её голос снова взвизгнул. — Я их мать!

— Мать? — я усмехнулся, и этот звук был горьким, как полынь. — Ты даже не помнишь, когда в последний раз читала им сказку на ночь. Для них ты — лишь красивое платье, которое иногда пахнет чужими духами. К тому же, куда ты их поведешь? К своему отцу-картежнику, который уже, я уверен, присматривает им место в Доме Милости для незаконнорожденных? Потому что после развода с подтвержденной изменой, именно такой их статус и будет утвержден Советом. Автоматически.

Она побледнела, словно ее окатили ледяной водой. Видимо, до нее только сейчас начало доходить, что ее поступки имеют последствия куда страшнее, чем испорченная репутация.

— Но... они же мои...

— Они — мои дети, — прорычал я. — Я их растил. Я учил Аэлиана ходить, а Иларию — не бояться ее магии. Они зовут меня отцом и любят меня. И я не позволю никому, даже их родной матери, сломать им жизнь из-за ее глупости. В прошении о разводе я уже указал требование об усыновлении. Пусть они не получают моего титула, но я дам им свое

имя и свою защиту.

Ладения беззвучно пошевелила губами, пытаясь найти возражения, которых не было.

— Ты... ты не можешь...

— Могу. И сделаю. Ты же хотела оградить их от скандала? Это — единственный способ. Я подал прошение о возвращении на службу в столицу. Здесь меня сменит полковник Эдерс, он уже в пути. Поэтому ты сможешь видеться с детьми, когда захочешь. Неограниченно. Но, — я прищурился, вглядываясь в ее искаженное страхом лицо, — только в присутствии моих горничных. Я больше не уверен, что ты не попытаешься отомстить мне через них. Или не начнешь внушать им, что их отец — чудовище, разлучившее их с матерью.

Я подошёл к двери, уже не в силах выносить этот запах, этот взгляд, эту ложь. Рука сама потянулась к рукояти меча — старой привычке, которая всегда успокаивала ярость.

— Простение о разводе уже подано, — сказал я, не оборачиваясь. — Если хочешь сохранить хоть каплю достоинства — не сопротивляйся. Иначе я обнародую не только это. — Я кивнул на смятый пергамент у её ног. — Твой отец проиграл в долг ещё полкоролевства. И на этот раз я не стану его выкупать.

Я повернулся, затылком чувствуя ее взгляд, полный ненависти и отчаяния.

— Содержание я тебе оставляю. Будешь получать его до

своего нового замужества. На большее не рассчитывай.

Дверь закрылась за мной с тихим, но окончательным щелчком. Я замер на секунду в полумраке коридора, слушая, как из-за тяжелого дубового полотна доносится приглушенный, сдавленный звук. Я слышал, как Ладения медленно сползла на пол. Я представил, как она лежит, уткнувшись лицом в роскошный, но теперь такой чужой ковер. Как ее плечи содрогались от беззвучных рыданий. Ее тихий плач был единственным, что нарушало гробовую тишину в комнате, где всего несколько минут назад гремели страсти, и летела в стену хрустальная ваза. Теперь здесь оставались только осколки.

Когда я спустился по лестнице, ко мне бросился адъютант — бледный, испуганный.

— Ваше превосходительство, лейтенант Радольс...

— Уволить, — бросил я, проходя мимо. — Отправить на северную заставу. Пусть охраняет овец от снежных волков. Если откажется — расстрелять за измену присяге.

— Слушаюсь! — он засеменял за мной, но я уже не слышал его. В ушах звенело, в висках стучало. Я шагнул во двор, где ветер с Иных земель нёс запах дождя и свободы.

«Ты не можешь так поступить!» — её голос всё ещё звучал в голове.

Могу, — мысленно ответил я. — Наконец-то могу.

Глава 2. Ревизия

Карета подпрыгнула на очередной колдобине, едва не сбросив меня на противоположное сиденье. Я вцепилась пальцами в бархатную обивку, стараясь удержать равновесие. За окном, затянутым легкой дымкой, проплывали суровые серые скалы и редкие, корявые сосны. Воздух, даже здесь, внутри закрытой кареты, пах сыростью камня, хвоей и чем-то тягучим и притягательным. Я с наслаждением вдыхала его грудью.

Правда, потряхивало тоже изрядно. Дорога в гарнизон Вербес, на самую границу с Синими горами, всегда была не для изнеженных столичных барышень. Меня, впрочем, к таковым отнести было сложно. За последние четыре года это стало привычным - пыльные дороги, походные палатки и вот такие тряские кареты, от которых затылок ноет, а все кости словно сами собой собираются в единый сплошной синяк.

Как личный маг короля, я всегда должна была быть при нем, за исключением случаев ревизий и контроля. К примеру, ездить по самым глухим углам королевства и латать дыры, которые оставляли после себя или природа, или не в меру ретивые колдуны-самоучки. Эту почетную обязанность должны были выполнять все дворцовые маги, даже члены Совета, в зависимости от распределения. Вот только пока другие придворные маги отсиживались в своих покоях и ка-

бинетах, ограничиваясь изучением приукрашенных отчётов, в которых, разумеется, все было хорошо, я предпочитала видеть всё своими глазами. И король это ценил.

Я откинулась на бархатные подушки, пытаясь сосредоточиться на свитке с отчётами о магических аномалиях в приграничных районах. Чернильные строчки плясали перед глазами в такт поддёргиваниям экипажа. Ещё одно разрыхление грунта на склоне, угрожающее оползнем. Я сделала пометку в отчете о том, что необходимо согласовать с королем проведение работ по его укреплению.

Еще один ухаж заставил карету жалобно скрипнуть всеми своими деревянными суставами. Я откинулась на спинку сиденья, закрыв глаза, вызывая видение. По моему опыту, о предстоящей ревизии начальникам гарнизонов сообщалось заранее. К чему они, соответственно, старались подготовиться. Кто-то организовывал фуршет, доставая из запасов лучший эль и вино. Кто-то готовил весьма увесистый кошелек. А кто-то начинал методично рыться в свитках, выискивая недочеты.

Именно это, судя по всему, и происходило сейчас в кабинете коменданта Вербеса.

Перед моим внутренним взором, как на сцене, предстал полковник Юварг – мужчина грузный, с багровым от постоянного гнева и крепкого алкоголя лицом, усеянным сеточкой лопнувших капилляров. Он стоял, уперев кулаки в стол, заваленный картами и рапортами, и смотрел на запыхавше-

гося адъютанта.

«Кто?» – его голос звучал почти скучающе. Пока.

Адъютант, бледный как полотно, вытянулся в струнку и выпалил:

– Тэба Марица Лантерис, ваше превосходительство!

Левая бровь полковника дрогнула. Потом задержался глаз – мелкая, судорожная дрожь, которую он тщетно пытался подавить. Он замер на несколько секунд, и в кабинете повисла тишина, густая и липкая, нарушаемая лишь треском поленьев в камине.

Затем он взорвался.
«Чтоб ей пусто было!» – его вопль был полон такой отборной, многоэтажной брани, что даже мне, выдавшей виды, стало почти неловко. – «Все свитки! Сюда, в кабинет, немедленно! Всю ху... всю переписку за последний год! Поднять всех офицеров! Спящих – пинками поднять, пьяных – окатить водой!»

Он схватил со стола первый попавшийся под руку тяжелый предмет – песочные часы – и швырнул их в стену. Стекло разлетелось осколками, золотистый песок тонкой струйкой начал сыпаться на пол.

«Проверить каждый лист, каждую цифру!» – гремел он в моей голове. – «Найти все несоответствия и исправить! Кто последнюю ревизию подписывал? Майор Грот? На гауптвахту его, пока эта... эта ведьма не уберется обратно в столицу! И чтоб я не нашел ни одной пылинки в казармах! Ни одной!»

Я медленно открыла глаза, разрывая связь. Уголки моих

губ дрогнули в легкой улыбке. Суэта, поднявшаяся в гарнизоне, была почти осязаема даже отсюда, с дороги. Да, слава обо мне дошла даже до этого гарнизона. Прекрасно. Пусть побегают. Пусть поволнуются.

Моя карета снова подпрыгнула на ухабе, и я снова ухватилась за бархат. Сердце на секунду ёкнуло — старый, неистребимый страх перед внезапной тряской, оставшийся в наследство от полётов с драконом. До Вербеса оставалось меньше часа. Мне уже не терпелось увидеть этот дёргающийся глаз воочию.

Карета наконец с оглушительным скрипом замерла, и наступившая тишина показалась звенящей. За дверцей раздались вымученно-четкие команды, бряцанье оружия моих гвардейцев и офицеров части и торопливые шаги по щебню. Я позволила себе еще одну секунду посидеть с закрытыми глазами, давая им привыкнуть к неподвижности, а затем решительно распахнула дверцу.

Меня встретил не полковник, а тот самый бледный адъютант, теперь еще и покрытый испариной. Он замер в идеальном, до дрожи в коленях, салюте.

— Тэба Лантерис! Гарнизон Вербес к вашим услугам! Господин полковник Юварг ожидает вас в своем кабинете! — он выпалил это на одном дыхании.

Я кивнула, оценивающе окинув взглядом плац. Все было выметено до блеска, солдаты в начищенных до зеркального блеска кирасах стояли по стойке «смирно» так неподвижно,

что казалось, они не дышат. Пахло уже не конюшной и пылью, а резким запахом щелока и дешевого зелья для очистки. Справились всего за час? Я даже впечатлилась, но виду не подавала.

— Ведите, — коротко бросила я, следуя за адъютантом, чья спина выражала готовность немедленно исполнить любой приказ.

Кабинет полковника поражал тем же натужным, показным порядком. Карты на стенах висели ровно, бумаги на столе были сложены в аккуратные стопки, а от разбитых песочных часов не осталось и следа. Сам Юварг, багровый, но взявший себя в железные тиски, поднялся мне навстречу. Его улыбка была натянутой и неестественной.

— Тэба Лантерис. Честь для гарнизона. Добро пожаловать в Вербес. — Он произнес это глухо, будто слова давили ему горло. Его левый глаз мелко и беспокойно подрагивал, выдавая колоссальное внутреннее напряжение.

— Полковник Юварг, — я кивнула, принимая предложенное кресло. — Благодарю за прием. Полагаю, вы в курсе цели моего визита. Магические аномалии в приграничье участились. Король желает знать почему.

— Рапорты готовы, тэба Лантерис, — он откашлялся и жестом указал на аккуратную пачку свитков на краю стола. — Все инциденты зафиксированы, меры приняты. Уверен, вы найдете все в образцовом порядке.

Я взяла верхний свиток. Чернила были свежими, бумага

— идеально гладкой. Слишком свежими. Слишком гладкими. Я медленно, не торопясь, пробежала глазами по строчкам. Все было логично, предсказуемо и слишком чисто. Как этот кабинет. Как весь гарнизон. Идеальный фасад, за которым скрывалась спешка и паника, увиденная мной часом ранее.

Я делала вид, что внимательно изучаю отчет о якобы стабильном состоянии скальных пород, параллельно наслаждаясь тем, как полковник пытается не выдавать нервозности. Он перекладывал печать с места на место, затем решительно поставил ее обратно.

Наконец, я отложила последний свиток и мягко улыбнулась.

— Впечатляет, полковник. Все очень... тщательно подготовлено.

Он расправил плечи, в его глазах мелькнула надежда.

— Служба, тэба Лантерис.

— Именно так, — я согласилась. — И в рамках этой службы, для полной ясности картины, мне потребуется ознакомиться со всей первичной документацией.

Он замер.

— Первичной? Но... все данные уже внесены в сводные отчеты. Заверены моей печатью.

— Я не сомневаюсь. Но король ценит внимание к деталям. Поэтому, — я посмотрела ему прямо в его дергающийся глаз, — пожалуйста, предоставьте мне журналы карауль-

ной службы за последние три месяца. Все рапорты о дозорах вдоль ущелья Серая Сова. А также... — я сделала небольшую, рассчитанную паузу, — всю переписку с гильдией рудокопов из деревни Кревет, касающуюся их просьб о проверке склонов на устойчивость.

Лицо полковника стало цвета старого кирпича. Именно эти документы, судя по его недавнему видению, он приказал спрятать глубже всего. В них должны были быть жалобы рудокопов на странные вибрации и оползни, которые гарнизон проигнорировал, и донесения дозорных о «синих огнях» в ночи, списанные на галлюцинации от плохого эля.

— Тэба, это... займет время. Часть архивов находится в нижнем ярусе форта, доступ туда сейчас затруднен из-за...

— Полковник Юварг, — я мягко прервала его, и в моем голосе впервые зазвучала сталь. — Час назад вы отдали четкий приказ поднять всех офицеров и найти каждый лист. Я не сомневаюсь, что ваши люди справились с заданием и все уже найдено, приведено в порядок и ждет моей проверки. Или я что-то не понимаю?

Он застыл с открытым ртом. В его глазах читался ужас понимания. Он знал. Он знал, что я знаю. И знал, что скрыть уже ничего не удастся.

Тишина в кабинете снова стала густой и липкой, нарушаемой лишь треском поленьев в камине и едва слышным, судорожным постукиванием его пальца по столу.

— Ну... я тогда пойду... отдам приказ... Вам все сейчас

предоставят.

Легкая улыбка снова тронула мои губы.

— Я подожду.

Адъютант, казалось, вот-вот рухнет без чувств под тяжестью двух массивных папок, перевязанных грубой бечёвкой. Он бережно, почти с благоговением, опустил их на край стола, смахнул невидимую пылинку и, бросив испуганный взгляд на полковника, ретировался, как ошпаренный.

Я медленно, почти с нежностью, провела ладонью по шершавой обложке верхней папки. Под пальцами будто бы пульсировала та самая суeta, страх и отчаяние, которые вложили в эти листы десятки людей за последний час.

— Благодарю, полковник. Эффективность ваших подчиненных впечатляет, — заметила я, развязывая бечевку.

Юварг что-то хрипло пробормотал в ответ, похожее на «всегда к вашим услугам». Он не садился, застыв у камина, и смотрел, как я погружаюсь в изучение документов. Казалось, он надеялся, что свитки внезапно воспламенятся от его взгляда и избавят его от мучительного ожидания.

Страница за страницей передо мной разворачивалась картина вопиющей халатности. Донесения дозорных о «дрожании земли» и «странном свечении в расщелинах», помеченные резолюцией «Выбросить. Бред пьяных новобранцев». Гневные, отчаянные письма старосты деревни Кревет с просьбами прислать хоть кого-то, кто разбирается в магии, — на них аккуратно стояло «Принять к сведению. На рас-

смотрение». И самое главное — рапорт майора Грота, того самого, что теперь, видимо, томился на гауптвахте, с категоричным требованием начать расследование, ибо «аномалии носят явно искусственный характер». На его рапорте красовался размашистый, яростный росчерк Юварга: «Отказать. Не лезть не в свое дело».

Я читала не спеша, давая каждой строчке, каждой пометке сложиться в единую, неоспоримую картину. В кабинете было слышно, как трещат поленья и как тяжело дышит полковник.

Наконец, я отложила последний лист и аккуратно сложила руки на столе.

— Полковник Юварг.

Он вздрогнул, будто от удара током.

— Тэба Лантерис?

— Магическая обстановка в приграничье, как вы и доложили, действительно требует самого пристального внимания короля, — сказала я абсолютно нейтральным, почти бюрократическим тоном. — Я благодарна за предоставленные материалы. Они проливают свет на множество... интересных аспектов работы гарнизона. Обо всем этом я обязательно составлю детальный отчет и лично доложу его его величеству.

Слово «лично» прозвучало для него приговором. Он побледнел, багровый оттенок его лица сменился на землисто-серый. Он понимал, что красивые сводки, подготовленные для отчета, рассыпались в прах. Теперь король узнает не о мнимых успехах, а о реальной трусости, сокрытии инфор-

мации и том, как его офицер посадил на гауптвахту того, кто пытался делать свое дело.

— Я... я могу все объяснить, — хрипло выдохнул он. — Обстоятельства... недофинансирование... неопытный персонал...

— Обстоятельства я изучу досконально, — я мягко прервала его, вставая. — Уверена, у его величества будет много вопросов. Лично к вам. А теперь, полковник, вы будете так любезны провести меня к майору Гроту? Мне кажется, его мнение на текущий момент гораздо ценнее для расследования, чем его пребывание под арестом.

Я увидела, как в его глазах промелькнула последняя, отчаянная надежда отказать, но она тут же погасла. Он беспомощно кивнул и, понутившись, поплелся к двери, чтобы исполнить приказ. Его могущественная фигура вдруг казалась ссутулившейся и по-стариковски немощной.

Я вышла из кабинета полковника, ощущая на спине его взгляд, полный немой ненависти и страха. Майор Грот, бледный, но с выпрямленной спиной и ясным взглядом, следовал за мной в двух шагах, как только его освободили из-под ареста. Воздух на плацу, прежде пропитанный щелоком и показной дисциплиной, теперь звенел недоумением и тревогой. Солдаты, все так же замершие в строю, чувствовали, что ветер переменился.

Мой экипаж стоял там же, но теперь он казался не просто средством передвижения, а моим передвижным кабинетом и

крепостью. Гвардейцы короля, мои верные спутники, застыли в каменном безмолвии по обе стороны от дверцы, их лица под шлемами были бесстрастны.

— Сержант, — мой голос, четкий и металлический, разрезал гнетущую тишину плаца.

Один из гвардейцев, с алебардой на плече, сделал шаг вперед и щелкнул каблуками.

— Приказываю погрузить в карету все предоставленные полковником документы. Осторожно, ничего не уронив и не перепутав. Это вещественные доказательства для Его Величества.

— Так точно! — Сержант резко развернулся, отдавая тихие, отрывистые команды своим людям.

Гвардейцы ожили, превратившись в слаженный механизм. Двое бесшумно вошли в здание комендатуры, чтобы забрать папки из кабинета. Еще один открыл дверцу кареты и откинул сиденье, обнажив вместительный потайной ящик, предназначенный как раз для таких случаев. Все было сделано быстро, эффективно и без лишнего шума. Ни один лист не пострадал. Я наблюдала за этим, чувствуя слабое удовлетворение. В отличие от суеты гарнизона, здесь царил настоящий порядок.

Майор Грот молча наблюдал за происходящим, и в его глазах читалось облегчение. Он понимал, что его донесения теперь попадут прямо в руки королю, минуя фильтр лживых сводок.

Когда последняя папка была уложена и ящик защелкнулся, я обернулась к нему.

— Теперь, майор, пройдемся. Расскажите подробности. Все, что считали бредом пьяных новобранцев. Мне нужны детали.

Мы отошли на несколько шагов от кареты, встав под скудной тенью от стены форта. Грот глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. Его лицо, еще не до конца пришедшее в себя после гауптвахты, стало серьезным.

— Тэба, это началось около четырех месяцев назад, — начал он, понизив голос. — Сначала редкие вспышки в ущелье Серая Сова. Списано на грозы, хотя гроз в сухое время года не бывает. Потом — дрожь земли. Слабые, едва уловимые толчки. Рудокопы из Кревета первыми забили тревогу. Говорили, что камни «поют» по ночам.

— Поют? — уточнила я.

— Их слова, тэба. Гудят, вибрируют. Будто кто-то бьет по самой скале огромным молотом где-то глубоко под землей. А огни... — он замолчал, подбирая слова. — Они не похожи на магию, которую я видел. Они... холодные. Не обжигают взгляд, а скорее, затягивают. Смотря на них, чувствуешь пустоту и тоску. Как будто смотришь в мертвые глаза.

Его слова ложились на подготовленную почву. Все, что я читала в рапортах, обретало плоть и звук. Это была не просто халатность. Юварг мог по невежеству упустить что-то серьезное.

— И вы считаете, это искусственного происхождения?

— Не знаю, — неуверенно ответил Грот. — Но это странно. Хаотично, и не похоже на обычные природные катаклизмы. Словно... Не знаю... От созерцания происходящего становится жутко. Есть подозрения, что кто-то... что-то будит в тех пещерах. Или копает.

Холодок пробежал по моей спине. Синие горы, соседнее королевство, были старым, молчаливым местом, полным забытых троп и пещер, уходящих в неизвестную глубину. Раньше, в былые времена, там жили драконы. Если там кто-то ведет работы, и такие масштабные, что это вызывает вибрации и свечение...

— Вы сделали все, что могли, майор, — тихо сказала я. — Ваша бдительность сослужит королевству хорошую службу. Теперь это мое дело. Я попрошу короля вызвать сюда специалистов, которые попытаются установить причину.

Я повернулась к карете, где гвардейцы уже заняли свои места, готовые к отъезду.

— Сержант, мы выдвигаемся и...

Мое повеление утонуло в новом, нарастающем гуле. Но на этот раз это был не ветер с Иных земель. Звук шел откуда-то снизу, из-под земли, и нарастал с каждой секундой, превращаясь из низкого гула в оглушительный рев. Он был похож на скрежет тысяч валунов, перемалывающих друг друга в чудовищной мясорубке.

Земля под ногами дрогнула. Сначала слабо, словно отда-

ленное эхо, но почти сразу же тряска усилилась. Со стены форта посыпалась мелкая каменная крошка, зазвенели и заходили ходуном стекла в окнах комендатуры.

— Что это? — выдохнул майор Грот. Его выпрямленная спина снова сгорбилась, но теперь от неподдельного, животного ужаса.

Я не ответила. Сердце на мгновение замерло, а потом забилось с бешеной силой, выстукивая знакомый, давно забытый ритм тревоги. Адреналин ударил в голову, вытесняя все остальные мысли. Я рванулась вперед, прочь от стены, на середину плаца, туда, где ничто не могло рухнуть сверху.

— Сель! — мой голос, сдавленный и резкий, перекрыл нарастающий грохот. — Это сель! С гор!

На плацу воцарилась мгновенная, парализующая тишина, и сквозь нее прорвался дикий, истеричный крик часового с вышки:

— Скалы! Скалы движутся!

Все головы, как по команде, повернулись в сторону Синих гор. И мы увидели.

То, что еще несколько минут назад было величественным, незыблемым горным массивом, теперь представляло собой бурлящую, клокочущую массу. Гигантская волна из грязи, камней, вырванных с корнем деревьев и пены неслась вниз по склону, сметая все на своем пути. Она двигалась с чудовищной, неумолимой скоростью, и ее путь лежал напрямик через ущелье Серая Сова — напрямик к гарнизону Вербес.

У меня перехватило дыхание. Расстояние было невелико. Минуты. У нас были минуты.

Хаос, который до этого был скрыт под маской дисциплины, вырвался наружу с удесятеренной силой. Солдаты на плацу засуетились, кто-то бежал к казармам, кто-то застыл на месте в оцепенении, кто-то молился. Чей-то потерянный голос вопил: «Спасайся кто может!»

Полковник Юварг выскочил из здания комендатуры, его землисто-серое лицо исказила первобытная паника. Он не отдавал приказов, он просто смотрел на надвигающуюся смерть, и его дергающийся глаз замер, широко распахнутый ужасом.

Время замедлилось. Мысленно я уже видела, как эта грязная лавина накрывает форт, сминает карету, давит людей, стирает с лица земли деревню рудокопов с их семьями.

«Нет. Нет. НЕТ!»

Мой гвардеец, на мгновение остолбенев, рванулся ко мне через трясушуюся землю.

— Тэба Лантерис! В карету! Немедленно! — его рука схватила меня за локоть, пытаюсь потащить к спасительному, казалось бы, экипажу.

Я вырвалась с силой, которой сама от себя не ожидала.

— Всех магов гарнизона! Сюда! Немедленно! — в голо-
се моем зазвенела сталь, та самая, что заставляла трепетать придворных в столице. — Это приказ! ВСЕХ!

Сержант замер на секунду, но затем резко кивнул.

— Бегите к баракам! Поднять всех магов! — заревел он, обращаясь к своим гвардейцам. — Тащите сюда хоть волоком!

Минута. Еще одна. Каждая секунда растягивалась в вечность. Грохот становился оглушительным, давящим. Воздух наполнился едкой пылью и запахом развороченной земли. Я видела, как по склону уже катятся первые, размером с дом, валуны.

И вот они — трое испуганных, невыспавшихся мужчин в мятых мундирах с нашивками боевых магов.

— Встали сюда, сюда и сюда — я рукой указала на места на плацу. — Отдаете в заклятии резерв! Не спорить! — крикнула я им, уже выстраивая в голове узор заклятия, одно из Высшей магии, высасывающее столько резерва, что от одной мысли о нем заходила ходуном собственная душа.

Нити потянулись ко мне, и чужая магия, сырая, неотшлифованная, хлынула в меня встречным потоком. Я открылась ей, впитала, смешала с собственной силой — и ощутила, как ее катастрофически мало.

Сквозь стиснутые зубы я прошипела команду сержанту и его людям:

— Держите нас! Не дайте упасть!

Гвардейцы, не понимая, но повинаясь, образовали вокруг нас живое кольцо, вцепившись в наши плечи, в наши пояса, сцепившись руками друг с другом, создав опору.

Я закрыла глаза. Внутри меня вспыхнуло и взорвалось.

Это было похоже на то, как пытаться голыми руками остановить несущийся на полном скаку воз. Каждый мускул, каждая жилка, каждая частица сознания кричала от невыносимого напряжения. Я чувствовала, как магия гарнизонных магов иссякает мгновенно, словно капля воды на раскаленной сковороде. Они беззвучно рухнули на землю, обессиленные.

Мне было мало. Катастрофически мало!

Я выжигала себя изнутри, обращая в пепел собственные силы, годы жизни, все, что было, понимая, что все равно резерва не хватает. И тогда я рванула глубже, туда, куда клялась себе не заглядывать! Никогда не заглядывать! Но сейчас выбора не было. Либо я подпитаюсь от Истока, либо мы все погибнем.

И я ощутила это. Энергию, что хлынула в тело, а потом огромную, неповоротливую, слепую массу, несущуюся к нам. Ощутила каждую трещину в земле, каждый камень в ее теле.

И я толкнула.

Не физически. Магически. Вложив в этот толчок всю свою ярость, всю свою боль, всю свою волю. Я не пыталась остановить сель. Его энергию было не победить, а лишь перенаправить. Словно гигантской невидимой рукой я ударила по его краю, заставив массу слегка вильнуть, всего на несколько градусов, создав иллюзию более пологого склона справа от нас.

Заклятие вышло за грань возможного. Оно вырвалось из-под контроля, поглотив последние крохи сил. Мир померк, почернел, звуки ушли в звенящую пустоту.

Последнее, что я увидела перед тем, как тьма поглотила меня целиком, — это гигантская стена грязи и камней, которая, с оглушительным ревом, прошла в считанных метрах от внешней стены форта, обдав всех градом грязевых брызг и мелких камней. Я слышала треск падающих деревьев, скрежет перемалываемых камней и... тишину за спиной. Тишину там, где должны были быть крики гибнущих людей.

Гарнизон и деревня уцелели.

И я рухнула вниз, в ничто, не чувствуя даже удара о землю.

Глава 3. Новости

— Я тебе уже пять лет назад говорила, что ты полоумная! И суицидница! - ворчала Гондера, колдуя над моими запястьями.

— Не все так уж и плохо. — я пожала плечами, и тут же пожалела — мышцы горели огнем. — Обычно после таких заклинаний маг отделяется не растяжением сухожилий, а...

— Тем, что навсегда калечит руки. Знаю. Здесь целитель вообще-то я!

— Ай! — я вскрикнула, когда боль от ее заклинания впи-лась в меня словно раскаленная игла.

— Что ай?! Терпи и молчи! Подумать только! Почти полностью израсходовала резерв! Почти в ноль! Ты знаешь, что после такого обычно не выживают? — отрезала она, и в ее го-лосе вдруг послышались не злость, а самый настоящий страх.

От нового, ядреного заклинания у меня потемнело в гла-зах. Я не сдержала стон.

— Да ладно тебе, жива ведь... — я попыталась улыбнуть-ся, но в этот момент на меня вылили особо болезненное зе-лье, явно из мести.

Я вспомнила, как первое, что я ощутила, придя в себя — это глухой, монотонный стук колес о булыжник и резкую, вы-ворачивающую наизнанку боль в запястьях. Напротив, на от-

кидном сиденье, сидел тот самый гвардеец-сержант. Он рассказал мне, что местный целитель, старый дежурный лекарь, осмотрев меня, лишь развел руками. Он сказал, что магические каналы рук порваны, сухожилия растянуты и обожжены обратным потоком силы. Он мог наложить шины, дать обезболивающего зелья, но на большее его искусства не хватало. Поэтому меня везут во дворец, используя порталы. Я помню, как сквозь туман боли и истощения, представила реакцию короля и что он сделает с полковником, увидя меня в таком состоянии, а потому отдала короткий приказ:

— Нет. Мы едем в Столичный госпиталь.

В госпитале мне сказали, что сегодня дежурила Гондера. Ее нашли в западном крыле — она как раз консультировала сложного пациента. Увидев мои руки и лица моих гвардейцев, она не стала ничего спрашивать. Просто развернулась и рывкнула: «В мой кабинет ее! Немедленно! А все остальные вон!».

На секунду я порадовалась, что это не Сервина, но увы! Радость была преждевременной. Меня жалеть явно не собирались, вымещая всю ярость от моей «героической» глупости.

— Вечно во что-то влезешь! Вечно не можешь пройти мимо беды.

— Эй, я же исправилась! — попыталась я огрызнуться. — Целых пять лет веду себя как примерная девица.

— Примерная девица? — Гондера фыркнула так, что ее

черные, вечно выбивающиеся из строгой прически пряди, задрожали. — Примерная девица не останавливает горные оползни Высшей магией в одиночку!

Она с силой нажала на моё запястье, и по телу снова побежали волны обжигающей, но целительной магии. Я закусила губу, чтобы не застонать снова. Смотреть на нее было отличным отвлечением. Скулы горели румянцем, губы были плотно сжаты. Она ворчала, бормотала проклятия и обвинения, но её руки — сильные, уверенные руки опытного целителя — работали без сучка без задоринки, аккуратно и бережно восстанавливая порванные магические каналы.

И эта ярость... ей так шла. Особенно сейчас.

А еще, с некоторых пор, она особенно стала напоминать мне Сервину. Наверное, все целители и сонарки одинаковые - вылечат точно, если сами не убьют!

Я наблюдала, как она наклоняется ко мне, как сквозь тонкую ткань её простого платья угадывается уже заметный, округлый изгиб живота. Да, беременность ей определенно шла.

— Пять лет! — выдохнула она, и на лбу у неё выступили капельки пота от концентрации. — Пять лет ты не лезла в такие передрыги! Я уже надеялась, что ты поумнела! А ты... ты взяла и чуть не сожгла себя дотла! Ради кого? Ради какого-то ничтожного гарнизона ?

— Ради людей, Гонди, — тихо прошептала я, уже не в силах спорить. — Они бы погибли.

— Спасая их, ты сама чуть не погибла! Все! Жить будешь, но ближайшие дни постарайся не колдовать!

— Я знаю.

— Знает она! — Гонди ловко скатала бинт, расставила зелья обратно по полкам и, наконец, повернулась ко мне — Тебя ждать в воскресенье?

— Конечно. — я улыбнулась. — Я стараюсь не пропускать наши посиделки. Ты будешь с Туралом? Как он, кстати? — спросила я, старательно переводя тему.

— Турал? — Гондера фыркнула, но уголки ее губ дрогнули в сдержанной улыбке. Она отошла к умывальнику, чтобы вымыть руки. — Турал как скала. Твердый, надежный и иногда невероятно тупой. Вчера опять просидел полдня на лесах у нового здания Гильдии торговцев, проверял кладку. Говорит, подрядчики экономят на известковом растворе, вот он лично каждый шов простукивает. Вернулся вечером, весь в пыли, но с сияющими глазами — нашел кривой участок, заставил все перекладывать.

Я слабо улыбнулась, представляя себе эту картину: могучий, молчаливый Турал, с лицом, будто высеченным из гранита, склонившийся над кирпичной стеной с своим мастерком и отвесом. Человек, который верил лишь в то, что можно пощупать руками — в камень, в раствор, в честную работу. И его жена — вспыльчивая целительница, которая ворочала потоки магии и человеческие судьбы. Странная пара. Но, шеров хвост, счастливая.

— Скажи ему, что я требую его знаменитый яблочный пирог в воскресенье, — сказала я, с наслаждением чувствуя, как боль в руках наконец отступает, сменяясь приятным, сонным теплом. — Или я обижусь и перестану восхищаться его работой в новом крыле госпиталя. Говорят, арки там он выложил — загляденье.

— Он и сам его испечет, даже без твоих угроз, — Гондера вытерла руки полотенцем и повернулась ко мне, уперевшись в бока. Ее живот теперь был виден еще отчетливее. — Только смотри, Марица, если опять влипнешь во что-то до воскресенья... Я сама лично найду тебя и прикончу. Сэкономить мне время и нервы? Поняла?

— Поняла, поняла. А то вы меня с Серви обе... того... Я вас обеих не выдержу! Ты стала такой же язвой, как и она, — я с трудом приподнялась на локтях, с облегчением отмечая, что могу это сделать без белой вспышки в глазах от боли. — Обещаю вести себя как стеклянная ваза. Самая хрупкая и дорогая.

— Вазы хоть и молчат, и не лезут, куда не следует, — проворчала она, но подошла и помогла мне сесть, ее движения были резкими, но аккуратными. — Ладно, выбирайся отсюда. Ты заняла мой кабинет ровно на два часа дольше, чем планировалось. У меня другие пациенты есть, не только самоубийцы с манией величия.

Она распахнула дверь, и в кабинет сразу же ворвался привычный госпитальный гул — торопливые шаги, приглушен-

ные разговоры, звон склянок. На пороге, вытянувшись в струнку, замер мой сержант. Его лицо выражало такое облегчение, будто его самого только что вытащили с того света.

— Тэба Лантерис! Вы... в порядке?

— Цела, сержант, — кивнула я ему, медленно спуская ноги с кушетки. — Благодаря мастерству тэбы Гондеры. Готовы к отъезду?

— Карета ждет у заднего входа, как вы и приказывали. Без лишнего внимания.

— Идеально. — Я сделала первый шаг. Ноги подкосились, но я успела ухватиться менее травмированной рукой за косяк двери. Гондера тут же подставила свое плечо.

— Два дня полного покоя, Марица! — прошипела она мне на ухо, пока сержант тактично отворачивался. — Или клянусь, я пришлю Турала, и он замурует тебя в той самой арке, чтобы ты наконец усидела на месте!

Угроза звучала настолько абсурдно и в то же время настолько в духе ее мужа-каменщика, что я фыркнула.

— Будет исполнено, грозная тэба. И передай Туралу, что за пирог я привезу ему тот самый импортный эль, что он любит.

Я оперлась на руку сержанта, и мы двинулись по длинному коридору, оставляя позади ворчащую Гондеру и спасительный запах ее целебных зелий. Сейчас, за несколько минут, мне предстояло взять себя в руки, прежде чем появиться перед Его Величеством.

Возле дворцовых ворот я отпустила гвардейцев, предварительно отдав распоряжение молчать о том, что я потеряла сознание. А потом направилась к личному секретарю Его Величества с изъятыми бумагами.

— Прошу доложить о моём прибытии Его Величеству. Мне требуется аудиенция.

Лорд Зиран склонил голову, взгляд его на мгновение задержался на моем бледном лице.

— Его Величество на совете с посланником Мекеша, тэба Лантерис. Он приказал не беспокоить. Вас вызовут, когда он будет свободен.

Не беспокоить, так не беспокоить. Мне же лучше

— Хорошо, я буду в своих покоях.

Дверь в мои покои закрылась с тихим, привычным щелчком, и наконец-то наступила блаженная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в камине. С трудом оттолкнувшись от двери, я сделала несколько шагов по мягкому ковру и почти рухнула в глубокое кресло у камина. Кожаная обивка, прогретая огнем, приняла меня с обволакивающим, почти материнским теплом.

Стонать от наслаждения было ниже моего достоинства, но мысленно я именно это и делала. Каждую мышцу, каждое сухожилие, каждый малейший нерв будто вывернули наизнанку, пропустили через раскаленные валики и вложили обратно, сырыми и ноющими. Руки лежали на подлокотниках и напоминали тяжелые гири. Даже шевелить пальцами было

мучительно — они горели глухой, настырной болью, напоминая о той чудовищной силе, что прошла через них, спалив все на своем пути.

Я вытянулась в кресле, стараясь распрямить спину, и почувствовала, как позвонки тихо хрустят, будто просыпаясь от долгого оцепенения. А ведь мне всего лишь двадцать три года, а чувствую себя так же, как пять лет назад под действием заклинания старения.

Я позволила голове откинуться на мягкий заголовочек кресла. Жар камина ласкал лицо, но мне все еще было зябко. Я сконцентрировалась на простых вещах: на ритмичном треске поленьев, на танце теней на потолке, на далеком, приглушенном звоне колоколов с городской площади.

Пару дней — и резерв восстановится полностью. Даже сейчас я уже чувствовала крошечные волнения магии внутри меня. Но пока ни о каких серьезных заклинаниях и речи быть не могло.

Тихий скрип двери заставил меня вздрогнуть — я не слышала шагов. В проеме, залитая светом из коридора, стояла Сила. Ее круглое, всегда улыбчивое лицо сияло таким облегчением и радостью, что даже мои ноющие кости на мгновение согрелись.

— Тэба! Вы вернулись! — ее голос, обычно мелодичный и певучий, сейчас сорвался на счастливый визг. Она забыла о всякой субординации, бросилась через комнату и присела на корточки у моего кресла, хватая мою безжизненную руку

и тут же отпуская, испугавшись причинить боль. — Ой, простите! Я так переживала! Говорили, в госпиталь доставили... что руки... а вы не позволяете никому сообщать... — ее слова понеслись пулеметной очередью, а глаза уже блестели от навернувшихся слез.

— Сила, дыши, — я с трудом выдавила улыбку. — Видишь, жива. Цела. Просто... немного потрепана.

— Немного! — она фыркнула, смахивая тыльной стороной ладони предательскую слезинку. — Да вас, кажется, дракон жевал, а потом выплюнул! Подождите, я сейчас... — она вскочила, засуетилась. — У вас губы потрескались, надо бальзамом помазать. И волосы в пыли... И платье... Ой, какое платье! Его только в утиль!

Она металась по комнате, хватая флакончики, салфетки, словно пытаясь залатать все видимые и невидимые повреждения сразу, вернуть все в норму, в привычный порядок, где ее госпожа всегда была безупречна.

— Погоди, погоди! — встрепелась я. — А про госпиталь ты откуда знаешь?

— Так Целнт рассказал. Это тот гвардеец, что вас сопровождал. — Сила очаровательно похлопала глазами, выражая самую невинность.

— Так я же запретила!

— Вы королю и кронпринцу говорить запретили, а обо мне речь не шла! — отпарировала она с такой простодушной логикой, что у меня не нашлось возражений. — Он мне

по секрету, а я ему за это два пирожка с вишней из вашей порции отдала. Он такой славный, краснеет, когда я с ним говорю...

Я закрыла глаза, позволив ее болтовне об очаровательном, бестолковом гвардейце омыть меня, как теплый душ. Сила тем временем, ворча себе под нос о несносном характере госпожи, принялась за дело с рвением.

Осторожно она сняла с меня запачканное пылью и потом платье, обходя воспаленные участки кожи. Потом принесла таз с теплой водой, пахнувшей лавандой и чем-то успокаивающим, и принялась обтирать мне спину и плечи мягкой губкой. Вода смыла липкий пот, дорожную пыль и остатки напряжения. Я почувствовала, как мышцы окончательно расслабляются.

— Вот, уже лучше, — ее пальцы, умелые и сильные, принялись бережно распутывать мои волосы, сбившиеся в тугой, колючий узел. — Сидите смирно. Сейчас я вас в порядок приведу, а потом вам поесть надо. Выглядите, будто ветер сдуть может.

Она принялась расчесывать волосы, и каждый взмах щетки отзывался в теле приятной усталостью. Я почти дремала, поддавшись ее заботе, как вдруг Сила ахнула, будто вспомнив нечто крайне важное.

— Ой, тэба, я совсем забыла! Пока вас не было, приходила посыльная от Её Величества королевы Верании. Принесли вот это.

Она торопливо подошла к резному ларцу у стены, который я в своей усталости раньше не заметила, и бережно открыла его. Внутри, переливаясь в свете камина, лежало платье глубокого синего цвета, а рядом, на бархатных ложеменах, покоилась подвеска в виде капли, мерцающая холодным, чистым светом.

Я застонала — на этот раз не от боли, а от бессильной досады. Простонала так искренне, что Сила вздрогнула и чуть не выронила щётку.

— Что? Что не так? Шелк высшего качества, работа столичной мастерицы! И камень... Я таких никогда не видела!

— В том-то и дело, — пробормотала я, закрывая глаза. — Это аквамарин из личной коллекции королевы. Опять.

Мы с Истером бесчисленное количество раз пытались толковать Ее Величеству, что её щедрость уже давно перешла все границы разумного. Что личный маг короля не должна щеголять в нарядах, которые по стоимости равны годовому содержанию небольшого поместья. Что её открытое расположение ко мне только подливает масла в огонь придворных сплетен и заставляет завистников шептаться ещё громче.

Но королева, казалось, просто не слышала. Ее доченька, ее милая доченька была жива, она вернулась под ее крыло, и больше ничего не имело для Верании значения. И плевать ей было на сплетников, завистников и даже на Иллюзион. «Ой, как они догадаются! Мы же молчим! А остальное ерунда» -

отмахивалась королева. И ведь даже отказаться было нельзя. Если с Истером она могла открыто помириться, интересоваться сыном и общаться с ним, то со мной у нее остался лишь единственный способ выразить свою любовь — языком бархата, шёлка и драгоценных камней.

Мой гардероб уже ломился от её даров. Платья, накидки, украшения... Вещи такой красоты и тонкости работы, что носить их можно было разве что на королевских приёмах, да и то с риском вызвать лёгкую панику у казначея. А у меня и без того уходила уйма денег на книги, редкие компоненты для зелий и содержание Фергуса. Моё скромное жалование личного мага было более чем достойным, но оно не тянуло на жизнь придворной львицы.

Единственное, что меня хоть как-то утешало в этой ситуации, — это то, что король наконец внял нашим с Истером мольбам, и все свои счета я стала оплачивать сама. Правда, внял по-своему, издав указ о дополнительном содержании придворных специалистов высшего разряда. Каждому был отведен индивидуальный лимит. Почти с руганью, уговорами, манипуляциями, свой лимит я смогла уменьшить до половины всех выделяемых на это короной денег. Меньше не вышло.

А еще все во дворце знали — тэбу Лантерис трогать нельзя. После того случая с преподавателем зельеварения в мой первый год в академии, который осмелился намекнуть, что без его «личных консультаций» я экзамен не сдам, по двор-

цу пронесся леденящий душу слух. Говорили, что король, обычно холодный и сдержанный, в своем кабинете разнес в щепки массивный дубовый стол одним ударом кулака. Говорили, что его тихий, спокойный голос, приказавший найти этого «преподавателя» и «преподать ему урок», был страшнее любого крика.

На следующий день бедолага-маг, бледный как смерть, с трясущимися руками, явился ко мне в покои и, чуть не рыдая, умолял принять его самые глубокие извинения и заверял в моих блестящих академических перспективах. А еще через день его уже не было в столице — сослали куда-то на край света, в захолустный форт, где единственным зельем был чай из местных трав.

Весть об этом разнеслась мгновенно. Весь двор разом уяснил простую истину: тэба Лантерис находится под личным, яростным и абсолютным покровительством короны. Обидеть ее — значит навлечь на себя гнев короля. Отец, который пятнадцать лет считал свою дочь мертвой и из-за чужих интриг ненавидел собственного сына, теперь не был намерен терпеть даже косого взгляда в нашу сторону.

И если с Истером все было ясно, он его сын и наследник, то со мной весь двор пребывал в шоковом состоянии. С тех пор на меня косились уже не с завистью, а с опаской. За моей спиной не шептались — затихали. Придворные, еще вчера свысока оценивающие мои «деревенские манеры», теперь кланялись чуть ниже, улыбались чуть шире и спешили пред-

ложить помощь, которую я не просила.

А мы с Истером потом еще неделю уговаривали короля не ехать лично в Академию и не проводить «воспитательную беседу» со всем профессорско-преподавательским составом. Кронпринц, бледный и вспотевший, буквально вцепился в полу его мантии, умоляя оставить учебное заведение в покое и дать мне возможность учиться в нормальной, а не запуганной до смерти атмосфере.

Король в итоге уступил, но в воздухе с тех пор висело негласное предупреждение. Все знали: одно неверное слово, один намек, один не тот взгляд в сторону тэбы Лантерис — и участь зельевара покажется милостью по сравнению с тем, что обрушит на голову обидчика монаршая ярость.

Ирония заключалась в том, что я тогда еще не знала, что король уже в курсе. Что он знает, кто я на самом деле. И что он лично, через свою сеть осведомителей, отслеживает каждый мой шаг в Академии, каждую оценку, каждую похвалу или замечание преподавателя. Для него это была не просто учеба его личного мага. Это было образование его дочери. Принцессы. И срывать этот экзамен было равносильно объявлению войны лично ему. А уж о том, чтобы требовать от принцессы «любви» в счет оплаты экзамена... В общем, зельевару очень повезло, что его просто сослали.

Именно поэтому о том, что произошло сегодня в гарнизоне, я Его Величеству не признаюсь даже под страхом смерти.

Я вздохнула, глядя на сияющий аквамарин. Дурдом. Пол-

нейший и абсолютный дурдом. С одной стороны — мать, заваливающая меня несметными богатствами. С другой — отец, готовый снести пол-королевства ради моей безопасности и успехов. А посередине — я, Марица Лантерис, которая просто хотела учиться, работать и жить своей жизнью.

— Ладно, Сила, — сдалась я, снова откидываясь на спинку кресла. — Убери это в ларец. К следующему королевскому приему. А сейчас принеси мне что-нибудь самое простое и немаркое. И чаю. Крепкого.

Мне нужно было всерьез подумать, как пережить очередной виток любви моей внезапно обретенной королевской семьи. И как бы при этом не сойти с ума.

— Кстати, — Сила, похоже, только сейчас вспомнила самую главную новость. Её глаза загорелись азартом. — Королевский приём! Объявлен на следующей неделе! Говорят, будет невероятно пышно. И... — она понизила голос до конспиративного шёпота, — говорят, королева лично составила список приглашённых. Лучшие представители аристократии. Все молодые, перспективные... и неженатые.

Я застонала с новой силой, на этот раз от чистого ужаса. В памяти тут же всплыл недавний разговор с королевой за чаем. Верания, с притворной невинностью расспрашивавшая о моей работе, плавно перевела разговор на то, как же я всё-таки одинока, а ведь «в мои годы у неё уже Истер ползал под столом». Я, доведённая до белого каления её намёками, в сердцах бросила: «Ваше Величество, я уже взрослая, обо

мне так заботиться не нужно. А вот пойдут внуки — они будут рады вниманию бабушки!»

Я имела в виду её законных внуков от Истера, который к тому моменту уже вовсю крутил роман со второй дочерью герцога Эренталя. Но королева, судя по всему, поняла мои слова как личный вызов и прямое указание к действию.

— О нет... — прошептала я, с ужасом глядя на сияющий аквамарин. — Она же восприняла это буквально! Меня хотят выдать замуж!

— Ой, да бросьте вы, тэба! — Сила, ни капли не разделяя моего ужаса, захлопала в ладоши. — Это же так романтично! Балы, кавалеры, комплименты... Вы же будете в этом платье — все просто умрут от зависти! Может, правда, присмотрите себе кого-нибудь? А то вы всё с книгами да со свитками...

— Сила, — я посмотрела на неё с мольбой. — Я едва жива после того оползня. Мои руки горят огнём. Единственный мужчина, которого я хочу видеть рядом в ближайшие дни, — это Турал с его яблочным пирогом. А не какой-нибудь напoмаженный графчик, который будет рассказывать мне о достоинствах своих кровных жеребцов и скучать по своему поместью.

Но горничная уже не слушала, с восторгом разглядывая платье и прикидывая, какую причёску мне сделать к приёму. Я безнадёжно откинулась на спинку кресла.

Впереди меня ждала неделя. Неделя, чтобы восстановить силы, привести в порядок нервы и... подготовиться к само-

му страшному бою в своей жизни — королевскому балу с матримониальными намерениями. И почему-то мне казалось, что остановить горный оползень было проще, чем противостоять любящему и совершенно невменяемому напору королевы-матери.

— Кстати, совсем забыла сообщить Вам последнюю сплетню! Представляете, генерал Демитр Янг подал прошение о разводе, потому что его жена ему изменила! И дети не от него! Ужасно, правда?!

Глава 4. Младший маг Совета

Заседание Королевского Совета было в самом разгаре. Лорды и министры, рассажены вдоль длинного стола, вели размеренную дискуссию о новых предложениях в закон. Я почти не слушала, позволяя взгляду скользить по знакомым лицам, выхватывая детали.

Лорд Зиран, личный секретарь короля, сидел чуть поодаль, бесшумно делая пометки на пергаменте, готовый в любой момент подать Ледарсу нужный свиток или тихо прошептать справку.

Истер сидел по правую руку от отца, и в какой-то момент я поймала на себе его пристальный взгляд. Он не отводил глаз уже несколько минут. Я сосредоточилась — и магией вывела на краю его развёрнутого свитка короткое: «Что?». В ответ Истер лишь медленно, оценивающе скользнул взглядом по моей фигуре и едва заметно приподнял бровь. Ах, да. Чёрное бархатное платье с серебряной нитью вышивки. Невероятно дорогое и элегантное. Раньше я сочла бы его неподходящим для заседания Совета. Но оно было единственным в моем гардеробе, что идеально скрывало под широкими рукавами белые полосы бинтов и соответствовало строгому дворцовому этикету.

Я едва заметно передёрнула плечом, чувствуя на себе его взгляд. *Ну да, нарядилась. И что с того?* — мысленно па-

рировала я. — *Или личный маг короля не имеет права хоть иногда выглядеть как женищина?*

Запаястья всё ещё ныли глухой, назойливой болью. Заклятие Гондеры творило чудеса, но для полного заживления магических каналов требовались не сутки, а несколько дней. Я чувствовала себя выжатой, как лимон. Оставшись без возможности колдовать, я просматривала вспышки видений, чтобы убедиться в безопасности короля и кронпринца.

— Ваше Величество, Совет готов заслушать следующее прошение. Посол королевства Мекеш, его превосходительство лорд Каэл, ожидает вашей аудиенции.

Ледарс, до этого момента неподвижный, как изваяние, лишь слегка кивнул. Его пальцы постучали по ручке кресла — единственный признак нетерпения. Я видела, что король устал, и не меньше меня мечтает, чтобы заседание закончилось.

— Введите.

Высокие двустворчатые двери распахнулись, и в зал вошёл посол - мужчина средних лет с русыми волосами и характерным для чистокровных демонов разрезом глаз. Я мгновенно собралась, а прочие члены Совета взволнованно зашептались. Присутствие демона рядом с королем и кронпринцем нервировало не только меня.

Посол прошёл до середины зала и склонился в глубоком, почтительном поклоне.

— Ваше Величество, благодарю вас за аудиенцию, — его

голос звучал сдавленно и устало. — Я пришёл с просьбой о помощи от имени своего народа.

— Говорите, лорд Каэл, — произнёс Ледарс. — Королевство Мекеш — наш давний союзник и торговый партнёр. Мы всегда готовы выслушать.

— Ваше Величество, лорды, — он обвёл взглядом Совет. — В наших землях вот уже третий месяц не прекращаются ливни. Реки вышли из берегов, поля затоплены, дороги размыты. Урожай, который должен был спасти народ от голода в зимние месяцы, гибнет на корню. Попытки справиться своими силами не увенчались успехом, магия наших стихийных магов слишком слаба против такого разгула стихии. Вода смывает всё на своём пути.

В зале повисло тяжёлое молчание. Даже самые циничные лорды перестали перешёптываться, внимательно глядя на посла.

— Мы знаем о вашем договоре, — медленно проговорил Ледарс. — О поставках магических кристаллов, защищающих от наводнений. Разве они не помогают?

— Помогают, Ваше Величество! — кивнул лорд Каэл. — Но их запас ограничен! Кристаллы, что мы получили в прошлом году, уже почти исчерпали свой ресурс. А новые мы должны оплатить до конца этой луны. Но казна опустошена борьбой с последствиями потопов! Мы не в состоянии внести плату вовремя. Я прошу Ваше Величество предоставить нам отсрочку! Хотя бы до следующего урожая! Без неё ты-

сячи людей умрут от голода.

В зале поднялся ропот. Лорды переглядывались, некоторые качали головами. Лорд Тарос прочистил горло.

— Ваше Величество, — заговорил он, и его голос прозвучал сухо и бесстрастно, как скрип пересохшего пера. — Ситуация, без сомнения, трагична. Однако договор есть договор. Предоставление отсрочки может создать опасный прецедент. Другие наши должники также могут потребовать...

— Другие наши должники не стоят на пороге голодной смерти, — холодно прервал его Ледарс. Его взгляд скользнул по лицам лордов, и ропот мгновенно стих. — Речь идёт о жизнях тысяч людей, демонов и магов, граждан дружественного королевства.

— Но казна, Ваше Величество... — начал было кто-то из дальнего конца стола.

— Казна не оскудеет от одной отсрочки, — парировал король. — Но запятнает ли нашу честь отказ помочь тонущему соседу? Мекеш десятилетиями был верным союзником. Они поставляли нам зерно в годы неурожая, их мастера строили наши корабли. Мы забыли об этом?

Лорды замерли, потупив взгляды. Я видела, как сжимаются кулаки у Истера. Он ненавидел эту меркантильную возню, когда на одной чаше весов лежали деньги, а на другой — человеческие жизни.

Ледарс медленно поднялся с кресла. Его фигура, высокая и мощная, казалось, заполнила собой весь зал.

— Лорд Каэл, — произнёс он, и его голос зазвучал громко и чётко, не оставляя места для возражений. — Королевство Ангар не оставит своего союзника в беде. Отсрочка на выплату по кристаллам вам предоставляется до следующего урожая. Более того, мы направим в Мекеш наших специалистов по наводнениям и геомантов. Они помогут вашим магам укрепить дамбы и отвести воду от уцелевших полей.

Посол поднял голову, облегченно вздохнув.

— Ваше Величество... Мекеш благодарит Вас за вашу доброту и понимание.

— Благодарите нас, когда ваш народ будет спасён, — мягко, но твёрдо сказал Ледарс. — Лорд Зиран, подготовьте соответствующий указ. Лорд Тарос, обеспечьте выделение необходимых средств из резервного фонда. Без задержек.

Оба склонились в почтительных поклонах. Никаких возражений более не последовало.

— Если на этом все, и вопросов больше не осталось, я предложил бы на сегодня закончить.

— Ваше Величество, — раздался голос канцлера Эшара, моего бывшего начальника и наставника, а теперь главы Совета. — Я хотел бы вынести на обсуждение еще один вопрос. Касающийся... кадровых назначений.

Воздух в зале снова застыл, но на сей раз напряженность была иного свойства — острой, деловой, полной невысказанных интересов. Лорды выпрямились в креслах, словно стоя гончих, уловившая запах дичи. Кадровые перестановки

в Совете были делом тонким, за них цеплялись, их оспаривали, за ними стояли могущественные кланы и их амбиции.

— Говорите, канцлер.

— Как вам известно, Ваше Величество, место младшего мага Совета остается вакантным после скоропостижной кончины лорда Виллариона, — голос Эшара был ровным, без эмоций, словно он зачитывал сухой отчет о поставках зерна. — Данная позиция требует не только глубоких магических познаний, но и безупречной репутации, преданности короне и... трезвого, незамутненного предрассудками взгляда на проблемы королевства.

В зале послышался сдержанный шепот. Несколько взглядов тут же устремились в сторону лорда Брендона, чей племянник, талантливый, но крайне амбициозный маг, считался главным претендентом. Сам Брендон сидел неподвижно, но его пальцы нервно постукивали по ручке кресла.

— Традиционно, — продолжал Эшар, — на подобные должности выдвигаются кандидаты из старейших аристократических родов. Однако я полагаю, что в нынешние времена следование одной лишь традиции может быть пагубным. Нам нужен человек действия. Маг, доказавший свою эффективность не в придворных интригах, а в поле. Человек, чья преданность короне и благополучию Ангара не подвергается сомнению.

Он сделал паузу, давая своим словам повиснуть в напряженной тишине. Истер перестал вертеть в пальцах перо и

смотрел на Эшара с открытым интересом. Ледарс скрестил руки на груди, его лицо было непроницаемой маской.

— И потому, — голос Эшара зазвучал громче, обретая металлические нотки, — я официально выдвигаю на вакантную должность младшего мага Королевского Совета тэбу Марицу Лантерис, личного мага Его Величества.

Тишина взорвалась.

Сначала ее сменил оглушительный гул голосов, а затем — шквал возмущенных возгласов. Лорд Брендон вскочил с места, его лицо побагровело.

— Это неслыханно! Женщина! Да еще и... — он запнулся, не решаясь высказать вслух самое главное, но его взгляд, полный ярости и презрения, говорил сам за себя. *Деревенская выскочка. Подстилка кронпринца.*

"Твоих рук дело?" — вывела я магией еще одну надпись на свитке Истера, но он лишь, едва заметно, отрицательно покачал головой.

— И что с того, что тэба Лантерис женщина? Я тоже женщина, но это не мешает мне выполнять свои обязанности в полной мере и верно служить короне. — Патриния послала мне одобряющую улыбку.

— Канцлер Эшар, вы, конечно, шутите? — вклинился лорд Тарос, и в его голосе звучала ледяная вежливость. — Тэба Лантерис, бесспорно, талантлива. Но она... молода. Неопытна в делах управления. У нее нет необходимых связей, нет поддержки рода...

— Есть поддержка короны, — спокойно парировал Эшар.
— Что касается опыта... Кто из присутствующих здесь магов в одиночку остановил горный оползень, спася гарнизон и деревню? Кто регулярно объезжает самые отдаленные уголки королевства, латая магические бреши, которые наши штатные «специалисты» предпочитают не замечать? Чьи отчеты, лорд Тарос, всегда отличаются не казенной белибердой, а точностью и глубиной анализа?

Тарос отступил, будто от удара. Его рот открылся и закрылся. Слух о событиях в Вербесе, видимо, уже успел просочиться сквозь дворцовые стены, обрастая подробностями.

— Но ее происхождение! — не унимался Брендон. — Да, ее отец, Адорд Лантерис, был выдающимся человеком, но он не был аристократом! К тому же тэба лишь приемная дочь. Кем были ее настоящие родители неизвестно! Это вызовет волну пересудов! Совет — это не место для... для сомнительных личностей!

В воздухе запахло настоящим скандалом. Я чувствовала, как жар заливает щеки, а холодный пот выступает на спине. Все взгляды в зале были прикованы ко мне. Одни — с откровенной враждебностью, другие — с любопытством, третьи — с расчетливой оценкой. И лишь немногие — с поддержкой. Те, кто меня знал по настоящему. Я пыталась дышать ровно, но грудь сковывало железными обручами. Руки, спрятанные под бархатом, дрожали.

Истер наблюдал за мной, его лицо было серьезным, но в

уголках губ таилась едва заметная улыбка. Он медленно кивнул, словно говоря: «Держись».

И тогда заговорил Король.

Он не повысил голос. Он даже не пошевелился. Но одно его движение руки заставило замолчать весь зал.

— Довольно.

Одно слово. Ледяное и тяжелое, как глыба гранита. Ледарс обвел взглядом собравшихся, и его глаза, казалось, впились в каждого, выворачивая наружу все тайные страхи и амбиции.

— Происхождение тэбы Лантерис меня интересует ровно в той мере, в какой оно не мешает ей выполнять свои обязанности, — произнес он тихо, но так, что каждый звук отдавался в полной тишине. — Ее прошлое — дело ее семьи. Ее настоящее — это беззаветная служба Ангару. И она несет ее с тем же достоинством и благородством, как когда-то ее отец. Канцлер Эшар привел веские аргументы. У кого-то есть возражения по существу? Не по сплетням, а по существу ее профессиональных качеств?

Молчание. Брендон, бледный, сжав губы, опустил на стул. Тарос изучал узор на столешнице.

— Тогда вопрос поставлен на голосование, — Ледарс откинулся на спинку трона. Его взгляд встретился с моим, и на этот раз в нем не было ни отцовской нежности, ни снисхождения. Был лишь холодный, безжалостный расчет правителя. — Кто поддерживает кандидатуру тэбы Лантерис?

Первым, твердо и уверенно, поднял руку Эшар. За ним — кронпринц и леди Варц. Затем, после тяжелой паузы, медленно поднял руку лорд Зиран. Его лицо не выражало ничего, кроме преданности воле короля.

Один за другим, нехотя, подчиняясь невысказанному приказу, поднимали руки и другие лорды. Брендон и Тарос воздержались, бросая на меня яростные взгляды.

— Кандидатура принята, — голос Ледарса прозвучал как удар молота. — Лорд Зиран, подготовьте соответствующий указ о назначении. Заседание объявляю закрытым. Тэба Лантерис, зайдите через десять минут в мой кабинет.

Он поднялся и, не глядя больше ни на кого, вышел через боковую дверь. За ним, бросив на меня быстрый, одобрительный взгляд, последовал Истер.

Я осталась стоять за спинкой отцовского трона, парализованная, пока лорды, перешептываясь, толпой потянулись к выходу. Ко мне подошел Эшар.

— Ну вот, тэба Лантерис, — сказал он тихо, и в его глазах мелькнула искорка привычной суховатой иронии. — Поздравляю с новым... полем битвы. Обещаю, скучно не будет.

Он кивнул и удалился, оставив меня наедине с гулким эхом только что произнесенного приговора.

Младший маг Королевского Совета.

Вот же вляпалась!

Через десять минут, как и приказал король, я стояла возле его кабинета. Стражники, замершие по обе стороны, узнали

меня мгновенно. Я коротко постучала в дверь, и услышав тихое: "Войдите!", отворила дверь.

— Ваше Величество, — мой голос прозвучал тихо, но четко, нарушая тишину. — Тэба Лантерис, по вашему приказу.

Я вошла и замерла на пороге. Ледарс сидел не за своим массивным рабочим столом, заваленным картами и указками, а в глубоком кожаном кресле у камина. Он снял тяжелый парадный камзол, остался в простом темном дублете. Напротив него расположился Истер, в его руках красовался огромный, начищенный до блеска помидор, а между ними, на дубовом столике, таблички для дельбо. Но видимо, обсуждение сплетен оказалось куда интереснее недоигранной партии.

— ...и я говорю ему: «Ваше Сиятельство, если ваш жеребец так пуглив, что шарахается от собственной тени, то может не стоит выводить его на парад в День Единства?» — с ухмылкой доносил Истер, явно продолжая какую-то историю.

Ледарс тихо хрипло посмеивался, поднося к губам массивную хрустальную рюмку с темно-янтарной жидкостью.

— И что он? — спросил король, и в его голосе сквозь усталость пробивалось самое настоящее любопытство.

— Побагровел, как этот самый помидор, — Истер с наслаждением откусил от фрукта, и сок брызнул у него из уголка рта. — Он попытался что-то сказать, но в конечном итоге лишь фыркнул и ушел.

Ледарс покачал головой, но улыбка не сходила с его лица, а потом обернулся ко мне. Его взгляд скользнул по мне, задержался на лице, на моих забинтованных руках, спрятанных в складках платья. Я увидела, как на долю секунды в его глазах мелькнуло что-то острое, почти паническое — то самое, что я ловила на себе все последние четыре года, с того самого дня, когда наш маленький с Истером секрет всплыл наружу.

— Стоишь на пороге, как на палубе во время шторма. Входи, садись. Истер, дай сестре второй стул.

Истер, с набитым ртом, тут же поставил рядом второй стул и указал на него с преувеличенным гостеприимством.

— Ваш трон, леди. Только не раздави, он тут старый.

Я с трудом сдержала улыбку и, пересиливая ноющую боль во всем теле, опустилась на еще теплое сиденье. Кожаная обивка кресла отца скрипнула, когда он наклонился ко мне. Мне было невероятно приятно смотреть, как все изменилось во дворце за эти пять лет. Как изменился Истер. Как холодный, надменный юноша медленно уступил место взрослому, уверенному в себе мужчине. И в его глазах, так пугавших меня раньше пустотой, появились искры озорства и лукавства.

— Что с руками?

— Пустяки. Я просто порезалась, когда сходила сель. Гондера меня уже починила. Просто нужно время.

— Время, — он с усмешкой повторил это слово, словно это была самая недостижимая роскошь на свете. — Его у нас

вечно не хватает. Выпьешь? — Ледарс указал на графин на столике.

Я покачала головой.

— С зельями Гондеры лучше не мешать. Неизвестно, во что превратится.

— Умница, — он одобрительно кивнул и отхлебнул из своей рюмки. Помолчал, глядя на огонь. — Ну давай, рассказывай о поездке. Совсем не было времени пригласить тебя вчера, хотя мне передали, что ты запрашивала аудиенцию. Что за сюрпризы приготовил нам полковник Юварг?

Я начала с самого начала. Сухо, по-деловому. Рассказала о показном порядке, о свежих чернилах на рапортах, о своем видении паники в кабинете коменданта. Ледарс слушал молча, не перебивая, его пальцы медленно барабанили по ручке кресла. Когда я упомянула приказ о гауптвахте для майора Грота, его пальцы сжались чуть сильнее.

Я перешла к документам. К жалобам рудокопов, проигнорированным донесениям о «синих огнях» и «поющих камнях». Я говорила о халатности, о трусости, о системе лжи, выстроенной для сокрытия реальных проблем. Упомянула и том, как на гарнизон двигалась сель, при этом "забыв" рассказать и об обмороке, и о выжженном ресурсе. Ни к чему ему это знать.

Ледарс выслушал все, не проронив ни слова. Когда я замолчала, он тяжело вздохнул и провел рукой по лицу.

— Твои рекомендации?

— Сместить Юварга. Назначить расследование. И, самое главное, отправить в Вербес не просто войска, а исследовательскую группу. Геомантов, рудных магов, специалистов по древним артефактам. И усиленный эскорт.

Ледарс кивнул, его лицо стало решительным, каменным. В такие моменты он был больше королем, чем отцом.

— Будет сделано. Юварг предстанет перед военным трибуналом. Майор Грот будет временно исполнять обязанности коменданта до назначения преемника. Исследовательская группа будет сформирована в течение недели.

— И еще. По поводу посла. Ливни такой силы и продолжительности... это ненормально даже для Мекеша, — сказала я. — Ваше Величество, перед отправкой нашей помощи я бы рекомендовала провести разведку. Не только геомантов, но и боевых магов, специалистов по обрывным следам. Вдруг это магическое вмешательство?

— У кого хватит сил три месяца заливать Мекеш водой? — выражение лица Истера было скептическим. — Не слишком ли смелое предположение?

— Слишком, — так же тихо ответила я. — Но кое-кому однажды хватило сил устроить землетрясение у Храма Богов. Я читала отчёты. Такие затяжные ливни могут быть как и естественными, так и признаками работы очень мощного и дорогого ритуала. Поэтому, не мешает и подстраховаться.

— Думаешь, Иллюзион? Снова? — отец нахмурился. — Нужно было покончить с ним еще пять лет назад.

Это была болезненная тема. Та самая иголка, что вонзалась в него все эти годы. Единственная причина, почему отец не мог открыто меня признать. Но мы с Истером сдерживали его, как могли.

— Я думаю лишь о том, что происходящее в Синих горах и Мекеше ... странно. Но может иметь под собой и вполне естественные причины. А уж об Иллюзионе и вовсе речи, пока, нет. Леди Варц держит руку на пульсе в этом вопросе, и за пять лет они не проявляли особой активности. Магов, что используют Исток в своих ритуалах и заклинаниях, по прежнему интересуют лишь знания, но не политика. К тому же, там немало детей, которые вообще ни в чем не виноваты. Я предлагаю не торопиться.

Ледарс откинулся на спинку кресла, его взгляд утонул в языках пламени. Молчание затянулось, прерываемое лишь потрескиванием поленьев.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Разведка будет. Тихо и осторожно. Но если это они... если это хоть капля их работы... — Он не договорил, но в воздухе повисла невысказанная угроза, тяжелая и неумолимая, как лезвие гильотины.

— А теперь о другом, — сменил он тему, и его голос снова стал обыденным, почти отеческим. — О Совете. Как ты себя чувствуешь после такого... представления?

— Ваше Величество... - Я запнулась, но потом набралась решимости и взглянула в глаза отца. - По поводу назначения... Мне кажется, это было лишнее.

— Эй, сестренка, мы с отцом тут правда не причем. Это чистая инициатива канцлера. Да, это будет нелегко. Под крылом летящего дракона всегда беспокойно, — заметил Истер, снова принявшись за свой помидор. — Зато вид сверху открывается отличный. Теперь ты официально одна из тех, кто решает, куда этому дракону лететь. Поздравляю, младший маг.

В его тоне не было ни капли яда, лишь легкая, братская дразнилка. Но за ней скрывалась настоящая гордость.

— Я не просила этого, — выдохнула я, глядя на свои забинтованные запястья, скрытые широкими рукавами. — И не уверена, что готова.

— Никто никогда не бывает готов, — Ледарс отставил рюмку. — Ни к власти, ни к войне, ни к потере. Учатся на ходу. А ты... ты учишься быстрее многих. Эшар это видел. Я это вижу. Должен признать, хоть я и обижен на Адорда, он хорошо тебя воспитал. Жаль, что я не могу открыто показать, как я горжусь вами! Вами обоими!

— Они меня сожрут, — призналась я тихо. — Брендон, Тарос... они уже точат когти.

— Пусть пробуют, — Истер вдруг вклинился в разговор. — Мы с отцом давно ищем повод проредить эту старую гвардию. Ты будешь отличной приманкой для их глупости.

— Спасибо за поддержку, братец, — я бросила на него убийственный взгляд.

— Всегда рад помочь, сестрица, — он ответил с нарочито

сладкой улыбкой.

Ледарс покачал головой, наблюдая за нашей перепалкой.

— Хватит. Истер прав, хоть и начал с некоторых пор выражаться, как сапожник. Куда подевалось твое воспитание, Истер? Ну а твоя задача — работать. А наша — прикрывать твой тыл. Справишься?

Он смотрел на меня прямо, без улыбки. Смотрел своим королевским взглядом, ожидая ответа не дочери, а нового члена своего Совета.

Я выпрямила спину, игнорируя протестующие мышцы.

— Справлюсь, Ваше Величество. Но есть просьба. Я слышала, что Демитр Янг подал прошение о разводе. И, поскольку он наследник герцога, а также с учетом того, что брак был устроен Вами лично, прошение о разводе будет рассматривать Совет. Я бы хотела взять самоотвод.

Воздух в кабинете застыл. Треск поленьев в камине внезапно показался оглушительно громким. Две пары глаз — одна холодная, стальная, другая, мгновенно утратившая все следы веселья, — уставились на меня.

Ледарс медленно поставил рюмку на столик. Звук стекла о дерево прозвучал как выстрел.

— Почему? — спросил он слишком тихо. Слишком спокойно.

Я чувствовала, как по спине бегут мурашки. Отец не знал всего, и сейчас я готова была солгать. Сказать, что это конфликт интересов, что я не хочу, чтобы мое новое положение

бросали тень старые сплетни. Но ложь застряла бы у меня в горле комом. Я не могла врать. Ложь всем нам не принесла ничего хорошего.

— Потому что пять лет назад, — мой голос дрогнул, и я с ненавистью к самой себе сглотнула комок в горле, — он сделал мне предложение. А я... просила время подумать.

Гробовая тишина, воцарившаяся после этих слов, была страшнее любого крика. Ледарс не двигался, лишь его пальцы сжали ручку кресла так, что костяшки побелели. Истер замер, а затем опустил голову. Мы не поднимали этой темы ни разу за пять лет, но я знала, что он чувствовал себя виноватым. Виноватым в том, что разрушил нашу помолвку, подложив отцу попавшее неожиданно прошение леди Элины Янг.

И тогда я увидела это. Медленное, ужасающее понимание, растекающееся по лицу моего отца. Его глаза, широко раскрытые, смотрели на меня, но видели, должно быть, что-то другое. Прощение леди Элины. Список невест. Его собственный приказ. Это не было чем-то особенным. Аристократы часто присылали подобные ходатайства, надеясь найти для своих детей самую достойную пару. Обычно это были отцы детей из обедневших семей. И сейчас до отца дошло, что сам того не ведая, он перечеркнул брак своей дочери.

— Что? Демитр Янг? Вы были помолвлены? Почему ты не сказала? - отец подался вперед. - Ты же была тогда, на том балу?

— Потому что официально помолвки не было. Я просто не успела ответить "да". И чтобы отменить помолвку по решению короля... Наверное, нужно умереть. Я понимала, что вы нам откажете. А потом... потом это стало неважно.

— Ты... всё ещё любишь его? - глухо спросил Истер.

Вопрос повис в воздухе, прямой и неожиданный. Обычно я бы отшутилась, сменила тему, ушла за стену иронии. Но сегодня что-то было иное. Может, я просто устала отбиваться, а может, эта искренняя тревога в его глазах, его вина, нашла какую-то щель в моей броне.

— Нет, Истер. — ответила я тихо, и это была чистая правда — Да и не скажу, чтобы мы любили тогда друг друга. Скорее были влюблены. Было больно, неприятно, но мы оба это пережили, перешагнули. И остались друзьями. Как это ни странно. Переписываемся. Он пишет о службе, о детях... я — о своих поездках. — Я пожала плечами и тут же пожалела — движение отозвалось тупой болью в запястье.

— Просто... — я замялась. — Я не хочу, чтобы Совет или адвокаты Ледании смогли использовать мое участие в Совете при принятии решения против него. И дискредитировать Совет, утверждая, что один из участников пристрастен. Это ни к чему.

Я закончила и опустила взгляд, чувствуя, как жар заливает щеки. Признаться в этом вслух, перед отцом и братом, было мучительно. Это была старая, почти зажившая рана, которую я сама же сейчас вскрыла.

Ледарс молчал так долго, что я рискнула на него взглянуть. Он сидел, уставившись в огонь. Думаю, он перебирал в памяти все те прошения, все списки, все браки, которые он благословил за эти годы. Одно из прошений оказалось препятствием для брака его собственной дочери.

— Ты права, — наконец произнес он, и его голос прозвучал глухо, устало. — Самоотвод будет правильным решением. Я позабочусь, чтобы дело рассматривалось в твоём отсутствии. Лорд Тарос возглавит комиссию. Он... беспристрастен в вопросах морали. Слишком беспристрастен. Его холодность сыграет Янгу на руку. — Он тяжело вздохнул и провел рукой по лицу. — Жаль, что я не могу сделать больше. Корона несет ответственность за все, что произошло. Жаль, что тогда...

— Тогда вы не могли знать, — мягко прервала я его. — Так же как и о том, что Ладения Янг будет изменять мужу. Это ее выбор. Ее ответственность. А не ваша. И, в конечном счете, все к лучшему. Демитр нашел свой путь. Я — свой.

— Ладения заслуживает всего, что с ней случится, — мрачно проворчал Истер, откладывая недоеденный помидор. — Я слышал, она уже пытается через своих родственников давить на Совет, чтобы вынудить Демитра забрать прошение. Говорят, ее отец уже проиграл в долг все состояние, и теперь исчез. Кредиторы ищут его, но пока безрезультатно.

Ледарс лишь покачал головой с выражением глубочайшего презрения.

— Его долги — его проблемы. Янг больше не будет платить по счетам непутевого аристократа, чья дочь позорит его имя. Пусть отвечает по своим обязательствам сам. — Он отхлебнул из рюмки и снова посмотрел на меня. Его взгляд смягчился. — Хорошо, что ты сказала. Спасибо за честность. Это... многое объясняет.

В его голосе прозвучала та самая, редко проявляющаяся боль. Боль отца, который осознал, как много он упустил и какую боль невольно причинил.

— Вот и хорошо. А теперь идите оба. У меня еще полководчества дел, а вы мне весь вечер заняли. Истер, не забудь зайти к маршалу насчет эскорта для исследователей. Марица, отдыхай. Приказ короля. Эти два дня — только на восстановление. Понятно?

— Понятно, — мы хором ответили и поднялись.

Дверь закрылась, оставив меня с Истером в прохладной полутьме коридора. Он тут же облокотился на стену, смотря на меня с привычной ухмылкой.

— Ну что, младший маг Совета? Готова к тому, чтобы тебя ненавидели самые влиятельные люди королевства?

— А у меня есть выбор? — огрызнулась я.

— Нет, — он беззастенчиво ответил. — Но зато теперь ты можешь официально посылать их ко всем драконам, прикрываясь служебным положением. Мечта же!

Я не сдержала слабую улыбку. Иногда его бесшабашность действовала лучше любого целебного зелья.

— Идем, — ткнул он меня легонько в плечо. — Провожу до покоев. А то еще ненароком рухнешь где-нибудь в коридоре, и отец меня заживо с кожей сдерёт за недосмотр.

— Герой, — я покачала головой, но пошла рядом, чувствуя, как ледяной комок тревоги в груди понемногу тает. Пусть впереди был хаос, интриги и ненависть. Но здесь, сейчас, в полутемном коридоре под руку с братом, который дразнил меня как какую-то дворовую девчонку, все казалось не таким уж и страшным.

В этот момент я просто не знала о том, какая буря надвигается на нас, медленно и неотвратно.

Глава 5. Сны и встречи

Сон начался как самый обычный — бессвязный и теплый. Я уже не помнила его начала, помнила лишь ощущение: кто-то убегал от меня, заливаясь чистым детским смехом. В воздухе пахло полынью и нагретой солнцем землей. Кто-то кричал: «Не догонишь!» — и это было частью общей идиллии.

Мне было так спокойно и хорошо. А потом я увидела их. Сначала я приняла их за игру света — тонкие, словно паутинка, мерцающие нити, плывущие в воздухе. Они переливались, меняя цвет от теплого, медового янтаря до холодного, бездонного сапфира.

Одна из них коснулась щеки, и по коже побежали мурашки, а внутри всё сжалось от внезапного, ледяного холодка, не имевшего ничего общего с теплом луга. Еще одна опутала запястье — уже ощутимая, материальная. Дыхание перехватило, и сладкая дремота сменилась животной настороженностью. Я попыталась стряхнуть их, но нити лишь плотнее обвивали руки, становясь все туже. Они не жгли и не душили — они просто были.

Их становилось все больше. Они сплетались в причудливую, мерцающую сеть, затягивая в себя и луг, и небо, и меня. Их гипнотический танец был прекрасен, пока в одно мгновение цвет не сменился на пронзительный, тревожный, кроваво-красный.

Я рванулась, пытаюсь вырваться, но сеть лишь сжалась в ответ, впиваясь в кожу ледяным жжением. Красные нити пульсировали, словно жилы, и с каждой пульсацией в висках отдавалась глухая, нарастающая боль. Воздух выл, превращаясь в сплошной оглушительный гул, а идиллический луг поплыл, распадаясь на куски, словно старая фреска.

Сквозь кровавую паутину я увидела лицо. Свое собственное. Но искаженное ужасом, с широко раскрытыми, пустыми глазами. Оно медленно плыло ко мне, и из его раскрытого рта вырывался беззвучный крик, который я чувствовала каждой клеткой своего существа.

Я закричала. И от собственного крика проснулась.

Сердце колотилось где-то в горле, выбивая сумасшедший ритм. Я сидела на кровати, вцепившись пальцами в шелковое покрывало, и пыталась загнать обратно в легкие воздух, который, казалось, навсегда застрял где-то в груди. В запястьях, обернутых белыми бинтами, ныло и гудело, отзываясь на призрачное прикосновение нитей.

Комната была погружена в предрассветную синеву. Тишину нарушал лишь треск догорающих поленьев в камине и бешеный стук собственного сердца. Я провела рукой по лицу, смахивая ледяной пот, и почувствовала, как пальцы дрожат.

«Просто кошмар, — пыталась убедить себя я. — Остаточные боли. Переутомление».

Но ледяная тяжесть на душе не уходила. Это не было видением. Видения других сновидцев, очевидно, напоминали

что-то похожее на этот сон. Мои же всегда были другие - четкие, яркие. И их не нужно было расшифровывать.

Я спустила ноги с кровати, и холодный паркет обжег ступни. Нужно было двигаться. Действовать. Заварить крепчайший чай. И, пожалуй, съесть что-нибудь.

Я накинула теплый халат на плечи, сунула ноги в кожаные туфли и отправилась на кухню. Коридоры дворца в этот час были пустынные и безмолвны, погружённые в густую, почти осязаемую тишину. Лишь мои шаркающие шаги да отдалённый скрежет ночного дозора нарушали этот неестественный покой.

Кухня, большая и тёплая, пахла древесным углём, сушёными травами и вчерашней выпечкой. Я разожгла огонь в печи, поставила на решётку тяжёлый медный чайник и принялась рыться в буфете в поисках чая покрепче и чего-нибудь съестного. Но полки были пусты. Зато я нашла яйца, муку, масло и орехи. Не долго думая, я замесила тесто и поставила пирог.

Мир начал потихоньку возвращаться на свои места с первым глотком обжигающего, горького чая и первым куском сладкого пирога. Дрожь в руках поутихла, ледяной комок в груди начал таять. Я сидела на грубой скамье у огня, уставившись на языки пламени, и доедала свой импровизированный завтрак. Раньше мне не снились кошмары, исключая кошмарные видения.

Мысли о сне отступили, оттесненные простыми, понят-

ными действиями: помыть посуду, прибрать стол, потушить огонь в печи. Физическая работа, пусть и незначительная, всегда помогала привести в порядок ум. Когда последняя тарелка была вытерта насухо, а на кухне воцарился прежний порядок, предрассветная синева за окном сменилась первыми перламутровыми полосками зари.

Приказ короля был четким: два дня на отдых. Но бездействие было для меня хуже любой пытки. Руки по-прежнему были, но острая боль сменилась глухой ломотой, терпимой. Гондера запретила колдовать, но не запрещала думать.

Я вернулась в свои покои и уселась за письменный стол. Из поездки в Вербес я привезла не только официальные отчеты, но и личные заметки — обрывки мыслей, зарисовки аномалий, вопросы, не вошедшие в сухие сводки для Совета. Так что мне определенно было чем заняться.

Следующие несколько часов пролетели незаметно. Я погрузилась в работу, сверяя свои впечатления с картами приграничья, выписывая на чистый лист все странности «синих огней» и «поющих камней». Я не колдовала, я анализировала. Строила теории, искала пересечения в старых текстах по геомантии и истории Синих гор. Это был другой вид магии — магия логики и упорства. И он отлично отвлекал от тревожных снов.

К полудню глаза устали, а спину ломило от напряжения. Я откинулась на спинку стула, закрыла веки и позволила себе расслабиться на несколько минут. Именно в этот момент в

дверь постучали.

На пороге стояла Сила с подносом, на котором дымился ароматный бульон и лежала горбушка свежего хлеба.

— Думала, вы уже проснулись и голодаете, — сказала она, с одобрением окинув взглядом мой рабочий беспорядок. — А вы уже и поработали! Его Величество велел передать, чтобы вы *отдыхали*.

— Я и отдыхаю, — парировала я. — Это лучший из известных мне способов.

Сила лишь покачала головой, поставила поднос на стол и принялась собирать разбросанные пергаменты, аккуратно складывая их в стопку.

— Тогда хотя бы поешьте, как следует. А потом, раз уж вы не хотите отдыхать по-человечески, может, прогуляетесь? На улице чудесный день. Да и Фергус, наверное, в конюшне заскучал.

Идея оказалась на удивление хороша. Свежий воздух, настоящий, не дворцовый, был именно тем, что мне нужно. Да и Фергус, бедняга, и правда заждался хозяйку.

— Ты права, — согласилась я, с наслаждением вдыхая пар от бульона. — Объявляю перерыв.

Сила сияла от сознания собственной победы. Пока я ела, она проворно прибрала на столе, бормоча что-то под нос о «упрямых госпожах» и «целительских запретах». Вскоре комната сияла чистотой, а я чувствовала себя сытой и почти что отдохнувшей.

Облачившись в простой, но теплый дорожный плащ и сапоги, я направилась в конюшни. Предрассветный холод сменился ясным, почти весенним солнцем. Воздух звенел от птичьих голосов и далекого звона колоколов с городских площадей. С каждым шагом кошмар отступал, растворяясь в привычной суете дворцовой жизни.

Фергус, мой гневой великан, встретил меня радостным ржанием, брыкаясь в стойле. Он уткнулся мокрым носом в мои ладони, требуя угощения и внимания.

— Соскучился, буянец? — прошептала я, проводя рукой по его шелковистой шее. — Прости, что забросила тебя. Сегодня наверстываем.

Седлать его самой с большими руками было мучительно, поэтому я позвала конюха. Мы выехали за ворота дворца и двинулись проторенной дорожкой в сторону Королевского леса. Фергус, чувствуя свободу, нервно перебирал ногами, рвался в галоп, но я сдерживала его, давая нам обоим время привыкнуть друг к другу. Ветер трепал волосы, солнце припекало спину, а знакомый ритм скачки постепенно вытеснял из головы все лишнее.

Я отпустила поводья, позволив коню нестись вперед, сметая ветви низкорослых кустов и оставляя далеко позади стены и башни столицы. Я вжалась в седло, сливаясь с движением могучего тела подо мной, и закричала от восторга, который вытеснил из груди последние крохи страха. Здесь не было ни снов, ни Советов, ни королевских интриг. Были толь-

ко я, мой конь, земля под копытами и бескрайнее небо над головой.

Мы скакали до тех пор, пока бока Фергуса не стали влажными от пота, а мое собственное дыхание не превратилось в прерывистые, хриплые вздохи. Я свернула на знакомую поляну, спрятанную в чаще у подножия холма, и ослабила поводья. Конь тотчас опустил голову, жадно хватая губами сочную молодую траву.

Я сползла с седла и, не в силах устоять на дрожащих ногах, повалилась на мягкий, прогретый солнцем мох. Сердце колотилось, в висках стучало, но это была приятная, живая усталость. Я лежала на спине, глядя в бездонную синеву неба, и слушала, как Фергус чавкает рядом, а ветер шелестит листьями вековых дубов.

Идиллия длилась недолго. Чувство было знакомым — легкое покалывание в затылке, смена давления в ушах, будто перед грозой. Это не было видением. Это было тоньше, призрачнее. Сгустки и следы магии, но не человеческой. Такое чувство бывает лишь у храмов и в местах силы.

Я медленно села, оглядываясь. Ничего. Только лес, полный обычных, естественных звуков. Но ощущение не уходило. Я замерла, стараясь дышать ровно, не пыталась противодействовать или искать источник — с моими руками это было бы самоубийством. Я просто наблюдала, вслушивалась в сам ритм магии, в ее давление. Оно было... древним.

Через несколько минут, которые показались вечностью,

давление ослабло и исчезло так же внезапно, как и появилось. Лес снова зазвучал в полную силу, будто и не замолкал.

Я сидела неподвижно еще несколько минут, пытаюсь осмыслить произошедшее. Как странно! Я и не знала, что в Королевском лесу есть места силы, через которые проходят древние потоки. Здесь мы гуляли не часто, поэтому раньше ничего необычного я не ощущала. Нужно спросить у Его Величества. Или почитать самой в библиотеке. Потом. Было бы не плохо иногда использовать это место в качестве магической подпитки резерва.

Я встала, отряхнулась и подошла к Фергусу.

— Ладно, дружище, — тихо сказала я, беря его за узду.
— Пора возвращаться.

В покоях меня уже ждала ванна, наполненная до краев горячей водой с ароматом лаванды и целебных трав. Сила настояла на том, чтобы помочь мне раздеться и забрала мою простую одежду «на проветривание».

Я погрузилась в воду с наслаждением, граничащим с блаженством. Тепло проникало в самые застывшие уголки тела, смывая пыль от прогулки и конский запах. Я почти задремала, оперев голову на прохладный край медной ванны, и позволила мыслям уплыть прочь от Синих гор, Советов и кошмаров.

После ванны Сила вернулась с чистым, простым платьем из мягкой шерсти красного цвета, одним из немногих, что я покупала сама. Волосы, высушенные полотенцем, она запле-

ла в простую, но изящную косу. Я чувствовала себя почти человеком, а не разбитой марионеткой.

— Ну вот, теперь совсем другое дело, — с удовлетворением констатировала горничная. — На женщину стали похожи. А может еще сережки? Все таки с друзьями встречаетесь, веселится идете. Надо бы и принарядится.

— Я буду возвращаться поздно. С дорогими серьгами в ушах по городу ночью лучше не гулять.

Я накинула темный плащ с капюшоном, прикрывавший лицо, взяла бутыл импортного эля для Турала, и выскользнула из дворца через служебный вход. Стражники у ворот, узнав меня, лишь кивнули — они уже привыкли к моим неофициальным вылазкам.

До встречи в "Лисьей норе" было пару часов, и я решила прогуляться по городу, растворяясь в толпе, слушая обрывки разговоров, наблюдая за жизнью, которая кипела здесь, за стенами дворца. Я зашла в лавку старого книжника, полистала фолианты по истории ремесел, купила на рынке пакетик душистых трав для заварки и пару теплых булочек с корицей.

Эта обыденность, эта нормальность были лучшим лекарством. Они напоминали мне, кто я такая за пределами титулов, магии и королевских интриг. Я была просто Марицей.

Солнце уже клонилось к западу, окрашивая крыши города в золотые и багряные тона, когда я ускорила шаг, направляясь в знакомый район, где за поворотом уже виднелась вы-

веска с потертым изображением рыжей лисы. Из полуоткрытых дверей таверны лился теплый свет и доносился гул веселых голосов.

Я толкнула тяжелую дубовую дверь, и на меня обрушилась знакомая волна тепла, смешанного с запахом жареного мяса, свежего пива и древесного дыма. И сразу же — голоса. Громкие, перекрывающие друг друга, смеющиеся. Знакомая картина, которую я стабильно наблюдала раз в месяц последние пять лет.

— Ну наконец-то! Все таки пришла! — проревел со своего углового стола майор Серан, широко улыбаясь, его лицо, порозовевшее от доброго эля, сияло радостью. Рядом с ним сидела его жена Клавина, которая приветственно кивнула мне.

— У меня выходные! — сказала я, сбрасывая плащ и оглядываясь.

У стола под огромным чучелом лисы, как всегда, восседала Сервина. Она что-то с жаром доказывала Шалосу, который сидел рядом, обняв ее за плечи, и с глупой, блаженной улыбкой слушал ее, абсолютно не вникая в суть спора. Пять лет прошло, а Шалос все так же смотрел на супругу влюбленными глазами!

— ...и я тебе говорю, если он еще раз посмеет назвать моего сына «слабым магом» из-за того, что тот предпочитает книги мечам, я лично превращу его родословную в подстилку для своей кошки! — гремела Сервина, сверкая глазами.

— Конечно, дорогая, конечно, — успокаивающе бормотал Шалос, одергивая на ней накидку. — Только не волнуйся так.

— Вечно ты меня успокаиваешь! — огрызнулась подруга, но уже смягчившись и позволив ему поправить прядь ее волос.

В противоположном углу, уставившись в какую-то сложную схему, начертанную прямо на дереве стола, сидели братья Мандоры. Нарос, его голова, казалось, была вся в дымах от магических формул, а Паргус что-то яростно доказывал ему, тыча пальцем в чертеж. Рядом, терпеливо дожидаясь своей очереди в разговоре, сидела жена Нароса — тихая, улыбчивая девушка, обычный человек, с россыпью веснушек по носу.

А у самого камина, в кресле, похожем на королевский трон, восседал Хестал. Он с важным видом попивал темное пиво и что-то рассказывал Виру. Тот, теперь уже респектабельный владелец лавки порталных артефактов, внимательно слушал, изредка кивая. Его собственная жена Хелла в это время что-то живо обсуждала с сидящей рядом Гондерой. Рядом, положив свою могучую руку ей на плечо, сидел Турал. Он не говорил много, просто сиял спокойной, уверенной силой, словно скала, о которую разбиваются все бури. На столе перед ними дымился тот самый, знаменитый яблочный пирог, от которого восхитительно пахло корицей.

Они еще не заметили меня, были погружены в свои спо-

ры, разговоры, смех. Эта картина — такая живая, такая шумная, такая настоящая — смыла последние остатки утреннего кошмара. Вот он, мой настоящий резерв. Не магический, а человеческий.

Вир первым поднял голову и увидел меня. Его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Ну наконец-то! А мы уже думали, тебя снова в командировку отправили!

Все обернулись. И на секунду воцарилась тишина, а потом грянул такой гвалт приветствий, вопросов и шуток, что хозяин таверны только ухмыльнулся и принес к нашему и без того ломящемуся столу еще один кувшин пива.

Я пробилась к своему месту — оно всегда оставалось свободным — между Гондерой и Сераном, и позволила знакомому шуму, смеху и запаху пирога окончательно поднять мне настроение. На стол перед Туралом я поставила бутылку с его любимым элем, и муж Гондеры благодарно кивнул.

— Эй, тише вы там! — крикнула я, перекрывая общий гам. Мне тут же бросили несколько шутливых возражений, но все смолкли, с любопытством глядя на меня.

Я сделала небольшую театральную паузу, наслаждаясь моментом.

— Поскольку наш обожаемый монарх, — я сделала небольшой реверанс в сторону дворца, вызвав смех, — вчера официально назначил меня младшим магом Королевского Совета...

На секунду воцарилась оглушительная тишина. Даже Сервина замерла с открытым ртом. А потом таверну взорвало.

— ЧТО?! — гаркнул майор Серан, вскакивая так, что скамья под ним закрипела. — Да ты шутишь!

— Совет? Эту сборище старых, засохших... — начала было Сервина, но Шалос деликатно прикрыл ей рот ладонью.

— Поздравляю, тэба! — крикнул Вир, первым опомнившись и поднимая свою кружку.

— Это же прекрасно! — воскликнула Гондера. Рядом с ней Турал молча ухмыльнулся и одобрительно кивнул своей могучей головой.

Вопросы посыпались со всех сторон: «Как?», «Когда?», «И они тебя, такую молодую?..», «А Брендон? Он же там лопнет от злости!».

Я отмахнулась, с трудом сдерживая улыбку.

— Подробности потом. Скажу лишь, что вид его багровеющего лица, когда голосовали, стал для меня лучшим подарком. А потому... — я обвела взглядом наш большой стол, ломящийся от еды и пива, — сегодня все за мой счет! Хозяин! — я обернулась к толстому, улыбчивому хозяину таверны, который уже предвкушающе потирал руки. — Счет на тэбу Лантерис! Если съедим все это - ставь самое лучшее, что есть в погребе! В сейчас принеси темного вина и эля! И чтоб никто сегодня не ушел голодным или трезвым!

Ну могу же и я позволить себе капельку безумства в тра-тах?

Новый взрыв ликования потряс «Лисью нору». К нашему столу уже несли первые кувшины пенного эля и графины с вином темнее рубина.

— Вот это по-нашему! — радостно крикнул Паргос, наливая мне полную кружку. — Теперь у нас свой человек в самой логове змеином! Будем знать, о чем они там шепчутся за своими дубовыми столами!

— Только, ради всего святого, не начинай сейчас рассказывать о налогах на магические компоненты, — взмолилась я, делая первый глоток холодного, горьковатого эля. — Сегодня только про это и говорят. Давайте лучше о чем-нибудь хорошем. Нарос, как поживает твоя маленькая? Уже пытается колдовать?

Нарос засиял.

— Пытается! Вчера умудрилась мысленно поджечь любимую игрушку! — он гордо кивнул на брата. — У Паргуса чуть усы не обгорели, когда он тушил!

Смех снова покатился по таверне, и разговор перекинулся на детей, на новые проекты, на смешные случаи из жизни. Я откинулась на спинку стула, с наслаждением слушая этот гомон.

В самый разгар веселья, когда смех звенел особенно громко, а Паргус с красным от пива лицом пытался изобразить, как он тушил свои усы, за моим плечом раздался спокойный, низкий голос, который я не слышала пять долгих лет.

— Простите, похоже, я опоздал на праздник. Не поме-

шаю, если присоединюсь к вашей веселой компании?

Сервина, сидевшая напротив, замерла с поднесенной ко рту кружкой, ее глаза расширились. Шалос перестал смеяться. Даже громогласный Серан умолк, и его взгляд куда-то ушел за мою спину. В воздухе повисла натянутая, звенящая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в камине.

Вся кровь разом отхлынула от моего лица, а затем так же стремительно прилила обратно, заставив сердце биться с бешеной силой. Я знала этот голос. Знала его так же хорошо, как стук собственного сердца. Он звучал во сне, в самых потаенных уголках памяти, от которых я бежала все эти годы.

Медленно, будто сквозь плотную, тягучую воду, я обернулась.

Он стоял в нескольких шагах от нашего стола, отбросив капюшон дорожного плаща. Волнистые темные волосы были слегка растрепаны ветром, а на плечах поблескивали капельки недавнего дождя. Лицо, которое я помнила таким — резким, властным, с упрямым подбородком и пронзительными глазами, — казалось, почти не изменилось. Разве что прибавилось несколько новых морщинок, а во взгляде, всегда таком уверенном, читалась усталость, которой раньше не было.

Но это был он. Демитр Янг.

Глава 6. Поместье Янгов

Наши взгляды встретились. Шум таверны, смех друзей, запах пива и жареного мяса — все это будто растворилось, исчезло. Остались только его глаза, смотрящие на нас.

Казалось, прошла вечность, прежде чем я смогла заставить свои легкие снова работать.

— Демитр? — мой голос прозвучал хрипло, словно принадлежал кому-то другому.

Уголки его губ дрогнули в слабой, почти неуловимой улыбке.

— Марица. Давно не виделись.

Это было самое нелепое и самое банальное приветствие из всех возможных, что я слышала в последнее время, но именно оно вернуло меня в реальность. Я ощутила под пальцами шероховатость деревянного стола, услышала сдавленный кашель Вира.

Первым опомнился Серан. Он поднялся, его лицо расплылось в широкой, искренней улыбке.

— Шеров хвост, генерал! Вот это сюрприз! Давненько тебя не было в столице! — он шагнул вперед и заключил своего бывшего командира в крепкие, мужские объятия, хлопнув его по спине так, что тот слегка качнулся. — Присоединяйся, конечно! Место как раз есть!

Его порыв разрядил напряжение. Шалос тут же пододви-

нул свободный стул, а Сервина, все еще смотря на Демитра с нескрываемым любопытством, велела хозяину принести еще кружку.

Я молча наблюдала, как он снимает плащ, вешает его на спинку стула и садится напротив меня. Его движения были такими же уверенными и собранными, как прежде, но в них появилась какая-то новая, сдержанная плавность.

— Когда вернулся? — спросил Вир, наливая ему эль.

— Вчера, днем, — отчеканил Демитр, беря кружку. — Сначала с рапортом во дворец, затем — в поместье к родителям. По пути встретил Хестала. Он сообщил о вашем сборе. Указал место и время. Решил явиться. Письма — не замена личной встрече с друзьями.

«Друзья». Горечь подступила к горлу. Он узнал об измене не вчера и даже не неделю назад — на подготовку развода требовались месяцы. Но ни в одном из его писем не было ни слова о предательстве Ладении. Ни намёка на боль, которую он, должно быть, испытывал. Всё это я узнала из сплетен горничной, придворных пересудов и сухих официальных бумаг. Не от него. Не от человека, которого считала другом и который, наверное, как никогда, нуждался в поддержке.

«Почему? — вертелось в голове. — Почему ты молчал?» Хотя... какая разница? Кто я ему, в самом деле? Ведь о том, что собирается вернуться в столицу, он тоже не сообщил.

Демитр сделал глоток и обвел взглядом стол.

— Я не знал, что повод такой грандиозный. Что праздну-

ем?

Все снова уставились на меня. Я почувствовала, как краснею.

— Марицу в Совет назначили младшим магом! — выпалил Паргус, сияя от гордости, словно это он сам получил повышение.

Демитр поднял бровь, и в его глазах мелькнуло неподдельное удивление, а затем — теплое одобрение.

— Поздравляю, Марица. До нас доходили слухи о тебе Лантерис. Большинство начальников гарнизонов тебя бояться, ненавидят, но уважают. Назначение более чем заслуженно. Значит, служить теперь будем вместе. — Он поднял свою кружку. — За тебя.

Все дружно подхватили тост, громко чокнулись. Я машинально поднесла свою кружку к губам, чувствуя, как его взгляд прожигает меня насквозь. В голове стучало только одно: он здесь. После всех этих лет. После всех тех слов, что были сказаны и не сказаны. После молчания и его брака, и моего бегства в работу.

— Вместе? — удивленно спросила я.

— Да, займу место отца в Совете. Он уже слишком устал от политики. Даже последний месяц в Совете не появлялся.

— Я заметила. - сухо ответила я.

Он выглядел... иным. Более спокойным. Более уставшим. Более человечным. В его осанке не было прежней генеральской надменности, лишь глубокая, зрелая уверенность.

Разговор постепенно оживился, обрел прежнее течение. Друзья принялись расспрашивать Демитра о жизни на границе, о детях, о том, как он оказался в столице. Я молча слушала, делая вид, что ковыряю вилкой в пироге, и украдкой наблюдала за ним.

Он отвечал сдержанно, но охотно. Рассказал пару забавных историй о гарнизонной жизни, о своих детях — Аэлиане и Илари. Темы его развода и предательства жены за столом так никто и не коснулся. Молчала и я. И все это время я чувствовала его взгляд на себе. Взгляд, который, казалось, пытался прочесть между строк все эти пять лет, что мы не виделись.

— Скажите, — голос Демитра стал низким и собранным, хотя пальцы непроизвольно сжались. — У ваших детей... Были ли подобные... осложнения? — Он тщательно подбирал слова. — Я не специалист в магии, я дракон и солдат. А Илария — одарённый маг, и её силы вышли из-под контроля. Нанял преподавателя по самой лучшей рекомендации. Но после каждого их занятия дочь не может обойтись без обезболивающих зелий. Этот ден Орус твердит, что это редкий дар, а боль — лишь следствие её капризов и неподчинения. Но я... я сомневаюсь. Не могу понять: он не прав, или проблема в чём-то другом, чего я, по своей некомпетентности, просто не вижу.

Я нахмурилась, бросив взгляд на ребят. Выражение лица Гондеры, Сервины, Нароса и Хестала почти полностью по-

вторяли мое. Боль при колдовстве - это ненормально.

— Генерал, а ей резерв преподаватель посчитал? Или на глаз колдовать заставляет? — подался вперед Хестал.

— Я не понимаю этой проклятой магии, — отрезал Демитр, тяжело вздохнув. — Мы, драконы, используем иную. Потому и нанял преподавателя — дена Оруса. Без толку. Илария рыдает и наотрез отказывается идти на занятия, а её магия вырывается самопроизвольно. В доме по несколько дней могут летать и взрываться предметы. Однажды едва не подожгли платье горничной. Потом наступает затишье, и в эти дни дочь становится апатичной, будто пустой. Контроль необходим, я это отлично осознаю. Но как его добиться, если после первого же заклинания она заходится от боли?

— Резерв не посчитали, контролировать не научили! — выдохнула Сервина, и в ее голосе зазвенел острый, язвительный металл. Она откинулась на спинку стула, ее выразительные глаза сверкнули холодным возмущением. — О чём, интересно, этот ден вообще думает, кроме собственного гонорара? Это же основа основ, азы, которые вдальбливают на первом же занятии! Девочке не просто больно — это попросту опасно! Если она в порыве выжмет себя до дна, до последней искры... — она сделала выразительную паузу, чтобы все осознали тяжесть ее слов, — то просто умрет. И её «редкий дар» ей уже не понадобится.

— А как его рассчитывают? — взгляд Демитра, жёсткий и оценивающий, упёрся в Сервину, затем обвёл остальных.

— Какие исходные данные требуются? И причинит ли это ей боль?

Сервина фыркнула, отхлебнула эля и поставила кружку со стуком.

— Боль? Нет, Демитр, больно не будет. Это диагностика, а не пытка. — Её тон смягчился, но лёгкая насмешливость осталась.

— Маг-диагност создаёт едва заметный импульс, который резонирует с внутренней магией пациента. По отклику и определяется объём и качество резерва. Делается это за пару минут. Любой выпускник Академии с этим справится. — отозвался Хестал. — А вот научить контролировать резерв уже сложнее. Лучше всего это умеют лекари и сонарки. Мы вынуждены часами поддерживать заклинания во время лечения, при этом делая все, чтобы сила заклѳтия осталавалась на достаточном для лечения уровне и чтобы мы сами потом без сил не упали. А еще нужно помнить, что таких операций может быть по несколько штук в день, и после смены тебе нужно еще на своих двоих дойти до дома.

Он бросил многозначительный взгляд в мою сторону, давая понять, что для бывшей сонарки, члена Совета и выпускника факультета Высшей магии это и вовсе пустяковая задача.

— То есть это просто? — Демитр будто не верил своим ушам, а потом на скулах выступила чешуя. — Почему же тогда её учитель...

— Потому что он, скорее всего, самонадеянный болван, который гонится за результатом, а не за безопасностью ученика, — отрезала Гондера. — Или просто некомпетентный. Такое, увы, сплошь и рядом. Многие считают, что если человек одарён, то всё остальное приложится. А на самом деле сжечь себя дотла проще всего.

— А вы можете помочь рассчитать резерв?

— В госпитале аврал, — тут же подхватила Сервина, ее выразительные глаза наполнились искренним сочувствием. — С утра до ночи. Нам с Гондерой порой даже чаю попить не удастся. Свободной минуты нет. Смогу вырваться только через пару дней.

— Я не против, но нашу часть с утра отправляют на северные учения. Вернемся только через неделю, не раньше. Если подождет до этого, то я...

— Нарос, тут лучше не ждать. У меня как раз завтра выходной. Я могу к ней заехать, — я, наконец, подняла на него глаза. — Посмотреть, проведу диагностику. Если дело действительно в нерассчитанном резерве, это легко определить. И так же легко поправить, сменив методику. Боль — это ненормально. Никогда.

Демитр замер, его взгляд, тяжелый и пронзительный, утонул в моем. В таверне на мгновение стало тихо, будто все затаили дыхание, наблюдая за нами.

— Я буду очень благодарен.

— Тогда завтра к полудню подъеду к вашему поместью.

Предупреди слуг и попроси, чтобы меня встретили. И убери подальше преподавателя, а то я могу и не сдержаться!

Он кивнул, и на его обычно суровом лице мелькнуло безмерное облегчение.

— Спасибо, Марица. Мы будем ждать.

И в этот момент общее напряжение за столом будто лопнуло. Шалос громко крикнул и хлопнул Демитра по плечу.

— Ну вот и отлично! Наша Марица всё уладит. А теперь давайте выпьем за то, чтобы у маленькой ИлариИ все наладилось! И чтобы все плохие учителя проваливались в пасть к Шеру, желательно — по самые уши!

Шум в таверне постепенно стихал. Кувшины опустели, пирог был съеден до последней крошки, а на лицах друзей появилась усталая, блаженная умиротворенность. Первым поднялся Турал, бережно поддерживая Гондеру.

— Нам пора, — его низкий, спокойный голос прозвучал как сигнал к общему отбою. — Моей драгоценной жене нужен отдых.

Один за другим гости начали прощаться, надевая плащи, обмениваясь последними шутками и обещаниями встретиться вновь. Вскоре у нашего стола остались лишь я, Демитр и Хестал, допивавший последнюю кружку эля.

Демитр откинулся на спинку стула, его взгляд скользнул по опустевшему залу, а затем вернулся ко мне.

— Моя карета ждет неподалеку, — произнес он, разбивая затянувшееся молчание. — Могу подбросить вас обоих. Со-

гласны?

Хестал, кряхтя, поднялся.

— Для меня это будет как нельзя кстати. Ноги уже не те, что в двадцать лет. Спасибо, генерал.

Я кивнула, не уверенная в собственном голосе. Мы вышли на прохладную, пропитанную ночной свежестью улицу. Карета Демитра, темная и без гербов, стояла в тени, запряженная парой спокойных гнедых лошадей.

Сначала высадили Хестала у его невзрачного, но уютного домика на окраине ремесленного квартала. Он тепло попрощался, пожелав мне удачи с Иларией, и скрылся за дверью.

Дверца кареты закрылась, и нас поглотила тишина, нарушаемая лишь стуком копыт о булыжник и скрипом колес. Я смотрела в темное окно, на проплывающие в ночи огни города, чувствуя, как напряжение снова сковывает плечи.

— Чем я тебя обидел, Марица?

Его вопрос, тихий и прямой, прозвучал как выстрел в этой тесной, темной коробке.

Я обернулась. Его лицо было скрыто тенями, но я чувствовала на себе тяжесть его взгляда.

— Ничем, — ответила я, и мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала. — С чего ты взял?

— С того, что ты не смотришь на меня. Ты отворачиваешься, когда я к тебе обращаюсь. Ты говоришь со мной так, будто мы чужие. Хуже — будто я твой подчиненный на плацу. — Он помолчал, и в тишине зазвучало его ровное, глу-

бокое дыхание. — Пять лет назад все было иначе. Что изменилось?

Я сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как под ногти впивается шероховатость бархатной обивки сиденья.

— Все изменилось, Демитр. Ты женился. У тебя появились дети. У меня — работа. У нас у обоих своя жизнь. Мы стали другими людьми.

— Это не ответ, — мягко, но настойчиво парировал он. — Мы переписывались. Ты шутила в своих письмах, рассказывала о поездках. А теперь смотришь на меня как на прокаженного.

Он был прав. Я злилась. Злилась на него за его молчание, за его боль, которую он скрывал даже от меня. За то, что я узнала обо всем последней. За то, что он не доверился.

— Почему ты не сказал мне о Ладении? — выдохнула я, и голос мой наконец дрогнул, выдав все спрятанное напряжение. — Почему я должна была узнавать об измене твоей жены и о том, что дети не твои, из сплетен горничной? Мы же... мы друзья. Разве не так?

Тишина в карете стала гулкой, давящей. Он откинул голову на подголовник, и слабый свет фонаря выхватил резкую линию его скулы, сжатые губы.

— Потому что это мой позор, Марица. — Его слова прозвучали тихо, но с какой-то свинцовой тяжестью. — Как я мог написать тебе об этом? Что я должен был сказать? «Привет, Марица. Как твои дела? А у меня жена оказалась шлю-

хой, а дети — не мои. Как твои успехи в магии?» — Он горько усмехнулся. — Да и не только в измене дело. Я не хотел вываливать на тебя свое горе. Ты и так всегда несешь на себе слишком много.

Гнев во мне поутих, сменившись чем-то острым и щемящим.

— Но я бы выслушала. Я бы поняла.

— Я знаю, — он повернул голову ко мне, и в его глазах, едва различимых в полумраке, читалась усталая, неприкрытая боль. — Именно поэтому я и не написал. Проще было делать вид, что ничего не происходит, пока я не соберу все доказательства и не получу, наконец, свободу.

Карета свернула на знакомую улицу, ведущую ко дворцу. Огни главных ворот уже виднелись впереди.

— Я не хотел тебя обидеть, Марица. Для меня наша дружба... она всегда значила очень много. — Он произнес это так просто и так искренне, что у меня перехватило дыхание.

Карета плавно остановилась у бокового входа, который я обычно использовала. Кучер спрыгнул с козел, чтобы открыть дверцу.

— Спасибо, что довез, — сказала я, берясь за ручку двери. Мои пальцы дрожали.

— Марица, — он дотронулся до моего рукава, едва касаясь ткани. — Завтра... в полдень. Ты действительно приедешь?

Я встретила с ним взглядом и впервые за весь вечер по-

настоящему увидела его — уставшего, израненного предательством, но все такого же сильного человека, который просил о помощи для своей дочери.

— Конечно, приеду. Я обещала.

На его лице мелькнуло облегчение.

— До завтра, Марица.

— До завтра, Демитр.

Я вышла из кареты и, не оглядываясь, поспешила к спасительной двери в стене. Сердце бешено колотилось, а в ушах стоял звон. За спиной я слышала, как карета тронулась и покатила прочь, увозя его и всю ту сложную, болезненную правду, что снова ворвалась в мою жизнь.

* * *

На следующее утро я надела простое платье, и отправилась на конюшни. Может и стоило взять дворцовую карету, а Его Величество с удовольствием добавил бы к ней еще и гвардейцев, но это было слишком официально.

Дорога к поместью Янгов была до боли знакомой. Я часто за последние пять лет проезжала мимо, отправляясь по тому или иному поручению, но внутри не была ни разу за эти годы. Маршалу я предпочитала отправлять поручения от короля через гонцов. И вот теперь, вновь, я буду невольной гостьей, снова оказывающей Янгам личную услугу.

Фергус нервно перебирал ушами, чувствуя мое напряжение. Поместье появилось вдали — то же самое, строгое, величественное здание из светлого камня, окруженное высо-

кими дубами. Я остановилась у ворот и стража, предупрежденная о моем появлении, пропустила меня на территорию поместья.

Услужливый дворецкий ждал у входа, а конюх забрал Фергуса в конюшни. Меня проводили в главный холл. Я готовилась к долгому ожиданию, разглядывая фамильные портреты на стенах, но тяжелые шаги послышались почти сразу.

Из глубины коридора вышел маршал Янг. Он стал еще выше и массивнее за эти годы, а время добавило седины в густые волосы и бороду, но взгляд остался прежним — острым, как клинок, и пронзительным. На нем был простой, но безупречно сидящий дублет, без всяких регалий. Он остановился передо мной, скрестив руки на груди.

— Тэба Лантерис, — его голос, низкий и густой, прокатился под сводами холла. — Не ожидал вас увидеть в этих стенах. Его Величество прислал? Или у Совета появились вопросы к моему сыну в связи с моей отставкой?

Я встретила его взгляд, стараясь не отводить глаз, вспоминая, как когда-то он готов был назвать меня своей дочерью. Шер! До возвращения Демитра, эти мысли даже не приходили в мою голову!

— Нет, маршал. Я здесь не от короля и не от Совета, — ответила я, и мой голос прозвучал на удивление ровно. — Вчера Демитр пришел на нашу общую встречу с друзьями и поделился, что у Иларии проблемы с магией. Я согласилась

посмотреть на нее и провести диагностику.

— Демитра нет, — отрезал он. — Его срочно вызвали в Столичный гарнизон — знакомиться с делом полковника Юварга. Это займёт полдня, если не больше. Демитр говорил, что сегодня подойдет специалист. Но я не думал, что речь идет о вас. — Он обвел меня оценивающим взглядом, и в нём читалось нечто, похожее на одобрение, приправленное старой горечью.

— К сожалению, Сервина, Гондера, Нарос и Хестал оказались заняты, а у меня как раз выдался выходной. - ответила я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

— Ну что ж. — маршал помолчал, изучая моё лицо. Илария в своей комнате. Ждёт. Ден Орус, её преподаватель, тоже пожелал присутствовать, но Демитр запретил. Думаю, оно и к лучшему. Идемте, я вас провожу.

Он развернулся и пошел вглубь дома широким, уверенным шагом, не оглядываясь, не сомневаясь, что я последую за ним. Я шла, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Воздух в поместье пах старым деревом, воском для полировки и легкой пылью — запах устоявшейся, но застывшей жизни.

Маршал остановился перед высокой дубовой дверью в восточном крыле, украшенной резным изображением синего дракона на серебристом фоне — герб рода Янг.

— Она внутри, — сказал он тихо, и в его голосе впервые прозвучала не привычная твердость, а усталая тревога. — Будьте с ней... осторожнее. Она стала бояться магии.

Он отступил, давая мне пройти, и я, сделав глубокий вдох, толкнула тяжелую дверь.

Комната, яркая и солнечная, была явно детской. На полу валялись мягкие игрушки в виде дракончиков, а у большого окна стояла низкая кровать под балдахином. В ней, прижав к груди потрепанного плюшевого единорога, сидела маленькая девочка. Ее бледное личико было залито слезами, а огромные глаза смотрели на меня с немым, животным страхом. Пухлые пальчики вцепились в игрушку так, что побелели костяшки. Серебристые волосы, унаследованные от матери, выбивались из неаккуратных хвостиков.

— Здравствуй, Илария, — сказала я как можно мягче, останавливаясь на пороге. — Меня зовут Марица. Почему ты плачешь?

— Вещи снова летают, а игрушечные драконы рычали на меня.

— Ясно. Твой папа попросил меня зайти к тебе в гости. Можно мне войти?

Она молча кивнула, не отрывая от меня испуганного взгляда. Я медленно подошла и присела на корточки рядом с кроватью, чтобы оказаться с ней на одном уровне.

— Я слышала, у тебя бывает больно, когда у тебя внутри вспыхивает магия. Это правда?

Девочка снова кивнула, ее пухлые губы задрожали, и на глазах выступили новые слезинки.

— Неприятно... — прошептала она. — Дядя сердится.

Говорит, я плохая.

— А я думаю, он неправ, — тихо сказала я. — Иногда боль — это способ нашего тела сказать, что мы делаем что-то не так. Можно, я попробую понять, почему тебе неприятно? Я обещаю, что будет не больно. Совсем. Будет щекотно.

Она сжала единорога еще крепче, но после недолгой паузы снова кивнула.

— Хорошо... — прошептала она.

Я мягко взяла ее крошечную ручку в свою. Ее кожа была холодной. Я закрыла глаза, отбросив все лишние мысли, и выпустила тончайшую, едва ощутимую нить диагностического импульса — такой легкий, что он не мог причинить вреда даже младенцу.

Илария вздрогнула, но не отдернула руку. Ее внутренний отклик на магию был... хаотичным. Яростным и неуправляемым, как дикий ручей, бьющий из-под земли. Ее резерв был приемлимым для ребенка, но абсолютно неструктурированным. Каждая спонтанная вспышка силы отзывалась в ее хрупких, не сформированных каналах резкой, рвущей болью — именно так, как описывал Демитр.

Я медленно открыла глаза и отпустила ее ручку.

— Все понятно, — сказала я, глядя в ее испуганные глаза. — Ты не виновата. Тот дядя — плохой учитель. Он не умеет правильно играть с магией. Я научу. Хочешь?

В ее взгляде мелькнула надежда, смешанная с недоверием.

— Правда? И... и не будет больно?

— Клянусь, — я улыбнулась. — Это будет весело. Как игра.

За спиной раздался тихий, но отчетливый кашель. Я обернулась. В дверях, прислонившись к косяку, стоял маршал Янг. Он смотрел на нас с тем же невыразимым, сложным чувством — суровым и почти отеческим.

— Ну что, тэба Лантерис? — спросил он глухо. — Найдется ли лечение для моей внучки? Или ей суждено бояться самой себя до конца дней?

Я поднялась и встретила его взгляд.

— Найдется, маршал.

Глава 7.

Следующие три дня пролетели в странном, двойственном ритме. Днем я была занята работой, а вечера посвящала Илларии. После того первого визита я договорилась с Демитром приходить каждый день, пока Хестал, вызвавшийся помочь, не найдет кого-нибудь в качестве преподавателя. Девочка оказалась способной и жадно впитывала простейшие упражнения по управлению потоком силы. Мы превратили это в игру: представляли магию как ручеек, который можно то пускать быстрее, то замедлять, то направлять в «игрушечные русла» — заранее очерченные мной на пергаменте простые руны. Когда-то так с мной играла мама. Боль ушла почти сразу, сменившись сосредоточенным усилием, а затем и радостью от первого, пусть и крошечного, но подконтрольного ей всплеска энергии, который заставил засветиться кристалл на ее браслете.

За сестрой почти всегда рядом следовал Аэлиан, радостно что-то лепеча. Полуторогодовалый малыш уже уверенно ходил, цепляясь за мебель и подолы платьев служанок, и лепетал первые слова. «Папа» у него получалось четко и ясно. А вот «баба» и «деда» — с осторожной вопросительной интонацией.

Маршал и леди Элина старались. Боги, они искренне старались. Но они не могли простить Демитру его решения. Не

могли принять его упрямого, яростного желания оставить этих детей, не родных, чужих. Для них это был поступок, достойный уважения, но непонятный и болезненный. И все же... Все же я ловила моменты. Миг, когда леди Элина, не зная, что за ней наблюдают, на мгновение задерживала руку на шелковистых волосах спящей Иларии, и суровая складка у ее губ на миг разглаживалась. Взгляд маршала, который он бросал на мальчика, когда тот, сосредоточенно нахмурившись, пытался построить башню из кубиков.

Отношения между родителями и Демитром были... напряженными. Они боялись. Просто боялись, что если скажут хоть слово, Демитр заберет детей и съедет из родового поместья. И сейчас, эта некогда дружная семья, напоминала мне мою пять лет тому назад - странную, нервную, и собранную из обломков прошлого. Раньше мне тоже казалось, что для нас не было будущего, мы были погребены под осколками боли и вины. Но время шло, и вдруг, однажды обернувшись, я поняла, что все... хорошо. И я верила, что и Янги смогут справиться.

Между тем день слушания дела Демитра в Совете настал. Я провела его в странном, раздвоенном состоянии. Официально — я была свободна. Мой самоотвод означал, что мне не нужно было сидеть в душной зале Совета, слушать, как адвокаты Ладении будут выворачивать наизнанку его боль, а лорды вроде Тароса — холодно взвешивать «ущерб репутации аристократии». Неофициально — каждая клетка

моего тела была там. Я ловила себя на том, что вглядываюсь в циферблат часов, пытаюсь угадать, на каком этапе процесс. Начало? Допрос свидетелей? Слово Демитра?

Мои покои внезапно стали тесными. Книги не читались, свитки не изучались. Даже привычный, успокаивающий ритуал заваривания чая не сработал. Воздух казался густым и спертым, полным неозвученных вопросов и чужих взглядов, которых не было.

В конце концов, я не выдержала, переоделась, взяла отцовскую саблю и вышла на плац. Воздух пах дождем, конской сбруей и свободой. Здесь, на огромном пустынном пространстве учебного плаца королевской стражи, не было ни души. Лишь далекие крики команд с основных тренировочных полей да скрежет железа по мишеням где-то за стенами.

Я сделала первый взмах. Медленный, неторопливый, ощущая, как напрягаются мышцы плеча.

Воздух со свистом рассеялся сталью. Второй взмах. Третий. Я не отрабатывала боевые стойки, не била по воображаемому противнику. Я искала ритм, вспоминая, чему меня учил отец, а потом и тренировки с мастером меча. Раз. Два. Поворот. Сабля стала продолжением руки, ее естественным, почти невесомым завершением.

С каждым движением клубок тревоги в груди понемногу разматывался. Мысли о Совете, о Демитре, о его процессе отступали, вытесняемые необходимостью следить за дыханием, за положением ног, за плавностью кругов, которые

описывал клинок. Физическая усталость выжигала душевную. Напряжение из плеч перетекало в мышцы предплечий и растворялось в ровном, монотонном движении.

Я не знала, сколько времени прошло. Минуты? Часы? Руки горели приятным, живым огнем, спина была мокрой от пота, но на душе стало пусто и светло. Тревога отступила, сменившись мышечной усталостью и странным, почти мистическим спокойствием.

Я повернулась, чтобы идти обратно, и замерла. К плацу приближался Его Величество в компании Истера и Демитра. Мужчины о чем-то негромко переговаривались, а потом заметили меня.

Я замерла, опустив клинок, чувствуя, как насквозь промокшая от пота рубашка мгновенно леденеет на пронизывающем ветру. Трое мужчин остановились в нескольких шагах. Король, в простом камзоле и сапогах, смотрел на меня с привычной, немного отстраненной оценкой. Истер — с лукавым, почти торжествующим любопытством. А Демитр... Демитр смотрел на саблю в моей руке, и вдруг усмехнулся.

Ледарс первым нарушил молчание.

— Напоминает мне старые времена. Только Адорд никогда не позволял себе так задирать локоть на замахе. Словно собираешься не рубить, а поддевать снизу. — Он сделал несколько шагов вперед, и едва слышно спросил. — Устала?

— Сбрасываю напряжение, Ваше Величество, — ответила я, стараясь, чтобы голос не выдавал ни смущения, ни вне-

запно вернувшейся тревоги. — Иногда необходимо, чтобы сохранять ясность ума.

— Ясность ума, — он усмехнулся, коротко и сухо. — Хотел бы поблагодарить Вас, тэба Лантерис, именно за вашу ясность ума. Ваше решение о самоотводе было мудрым решением. Суд вынес решение в пользу лорда Янга.

Воздух из легких вышел одним тихим, сдавленным вздохом. Я встретила взглядом с Демитром. Он молча кивнул, и в этом кивке было больше, чем в любых словах: и благодарность, и тяжесть, и тихая, еще не осознанная радость.

— Я уверена, решение Совета было взвешенным и законным.

— Теперь, — голос Ледарса снова стал жестким, деловым. — Раз уж вы уже разогрелись и явно ищете хорошего противника... — Он обернулся к Истеру. — Сын. Меч.

Истер, до этого момента с наслаждением наблюдавший, вскинул бровь.

— Ваше Величество...

— Ты слишком много времени проводишь за отчетами и дипломатическими приемами, — безжалостно констатировал король. — И слишком мало — на плацу. Твои последние результаты на тренировках оставляют желать лучшего. Тэба Лантерис явно не знает, куда девать энергию. А ты явно нуждаешься во встряске. Так что продемонстрируй-ка нам, наследник престола, как ты усвоил уроки мастера Хельда. Против реального противника. Без скидок на титулы.

Истер вздохнул и бросил на меня взгляд, полный немой мольбы, но я лишь пожала плечами, с трудом скрывая внешне нахлынувшее веселье. Король был прав. Вот только Истер лентяем не был. Просто отец не знал о бурных ночах любви его сына и некоторых следах на шее и груди, что уверенно скрывал камзол. Нет, сама я не видела, но горничные замечают... многое.

Но мне действительно нужно было с кем-то сразиться. Иначе взорвусь.

— Ты тоже останешься. — король повернулся к Демитру. — И будешь делать замечания. Оба они слегка зазнались. Посмотрим, что останется от их гонора, когда они хорошенько взопреют.

Слуги принесли тренировочные мечи — тяжелые, с затупленными лезвиями, но от ударов которыми синяки оставались знатные. Истер взял свой, пробно взмахнул и усмехнулся.

— Давайте, тэба, — пробормотал он, занимая противоположный конец импровизированной площадки. — Только без фанатизма! Помните, я ваш будущий король.

— Будущий, — парировала я, занимая стойку. — А пока я сделаю все, чтобы вы попросили пощады, Ваше Высочество.

Ледарс, скрестив руки на груди, отошел в сторону, к Демитру. Его лицо было каменной маской, но в уголках глаз таились знакомые искорки азарта.

— Начинайте, --- скомандовал Ледарс, и его голос, низкий

и властный, разрезал тишину плаца.

Истер атаковал первым — быстрый, точный выпад, рассчитанный на то, чтобы проверить мою реакцию и дистанцию. Я парировала почти машинально, чувствуя привычную вибрацию клинка в руке. Сталь встретилась со сталью с глухим, коротким лязгом.

Следующие несколько минут мы кружили друг вокруг друга, обмениваясь сериями быстрых, разведывательных ударов. Истер был силен, техничен и невероятно быстр. Он использовал свое преимущество в росте и размахе, стараясь держать меня на расстоянии. Но я знала его стиль — мы пару раз уже сходились в дружеских поединках, да и я не раз имела возможность наблюдать за ним на тренировках. Он предпочитал мощные, сокрушительные атаки, я — мобильность и точность.

Воздух свистел, рассекаемый тренировочными мечами. Мы двигались по песку, оставляя замысловатые узоры из следов. Я ушла в низкий подкат, избегая горизонтального удара, который мог бы снести мне голову, и ответила молниеносным уколом в бедро. Истер едва успел отбить его, отскакивая назад с коротким смешком.

— Не плохо, тэба! Почти достала!

— Это было предупреждение, Ваше Высочество! — крикнула я в ответ, уже уворачиваясь от его следующей атаки.

Азарт бил в кровь, как крепкое вино. Весь мир сузился до этого круга утрамбованного песка, до звона стали и ритма

собственного дыхания. Был только противник передо мной и жажда доказать — себе, ему, отцу — что я могу.

Мы сошлись в клинче, перекрестья наших мечей уперлись друг в друга с сухим лязгом, и я увидела, как он ухмыляется, его лицо было всего в сантиметре от моего.

— Сдавайся, пока не поздно. При всех — неудобно.

— Мечтай! — я рванулась, разорвав захват, и нанесла серию быстрых ударов по рукояти, заставляя его отступать.

Я забыла обо всем. О том, что это просто спарринг. О том, что он — кронпринц. О том, что за нами наблюдают. Видела только цель — победить. Мое сердце колотилось в такт нашему безумному танцу, кровь пела в жилах.

Истер сделал идеальную финтовку — имитировал удар в голову, а сам пошел на низкое подсекающее движение по ногам. Я инстинктивно отпрыгнула, но он уже был там, его клинок занесен для следующего удара. И в этот миг чистейшего, животного азарта я рванула к нему, и вместе с движением тела, почти не думая, высвободила чистейший сгусток родовой магии.

Невидимый кулак ударил Истера в грудь.

Он не ожидал этого. Совсем. Его глаза дико расширились, он попытался устоять, но сила была слишком велика. Он оторвался от земли и отлетел на несколько метров назад, тяжело рухнув на спину в облако пыли. Тренировочный меч с грохотом откатился в сторону.

Тишина.

Я застыла, тяжело дыша, лишь сейчас осознав, что потеряла над собой контроль. Рука, сжимавшая меч, вдруг задрожала.

Ледарс выпрямился, обеспокоенно глядя на сына. Демитр сделал шаг вперед, его рука инстинктивно потянулась к эфесу собственного меча, но замерла в полпути.

Истер лежал неподвижно секунду, две, а затем с тихим стоном перекатился на бок, отплевываясь от песка.

— Ты... это что, магией? — он поднял на меня взгляд, полный искреннего изумления, и медленно потер грудную клетку. — Серьезно? В спарринге?

Я бросила свой меч на песок и бросилась к нему.

— Истер! Прости! Я не подумала! Ты цел?

Он сел, все еще морщась от боли, и вдруг рассмеялся — коротким, хриплым, но искренним смехом.

— Цел? Нет, не цел. У меня теперь, наверное, синяк размером с твоё самолюбие. — Он с трудом поднялся на ноги, все еще потирая грудь. — Ладно, признаю. Встряска получилась знатная.

Ледарс подошел к нам, его взгляд скользнул с моего виноватого лица на слегка помятого, но ухмыляющегося сына.

— Некрасиво, тэба Лантерис, — произнес он без тени укора. — Использовать магию в спарринге на холодное оружие. Это против правил. И крайне опасно.

— Я знаю, Ваше Величество. Я... увлеклась. — я опустила голову, чувствуя, как жарко краснею.

— Зато эффективно, — флегматично заметил Демитр, подходя. В его глазах читалось не осуждение, а скорее профессиональная оценка. — Мгновенное решение в безвыходной позиции. Жестко, но результативно.

Ледарс хмыкнул, внимательно осматривая Истера.

— Ну? Говорить сможешь? Ребра целы?

— Целы, отец, — Истер выпрямился, стараясь не показывать боль. — Просто сбил дыхание. Синяк будет знатный, вот и все. — Он посмотрел на меня, и в его взгляде уже не было обиды, лишь дразнящее веселье. — Запомню на будущее. С тобой нельзя расслабляться. Ни на секунду.

— Прости, — снова пробормотала я.

— Да ладно тебе, — он махнул рукой. — Зато отцу доказал, что я еще могу держать удар. И что его личный маг в прекрасной форме. Лучше любого гвардейца. — Он повернулся к Демитру. — Вы как считаете, генерал? Достойный противник?

Демитр улыбнулся, но его настороженный взгляд скользил по нам троим. И сейчас я поняла, что в разговоре мы вышли за рамки этикета и протокола. Я обращалась к кронпринцу на "ты"! Прямо при Демитре! Только короля еще отцом не назвала открыто!

Да что со мной сегодня?!

— Более чем достойный, Ваше Высочество. Я бы на вашем месте потребовал дополнительных тренировок. С противником такого уровня расслабляться действительно нель-

зя.

Ледарс покачал головой.

— Ладно. Инцидент исчерпан. Истер, иди к лекарям, пусть мазью тебя намажут. Демитр, пройдемте, обсудим детали по гарнизону. — Он бросил на меня последний взгляд. — А вас, тэба, я в следующий раз, попрошу контролировать свой азарт. Синяки на наследнике престола — не лучший аксессуар для королевских приемов. И прошу вас зайти к Ее Величеству, потоки магии в ее покоях вибрируют. Она просила, чтобы вы проверили.

— Как прикажете, Ваше Величество

Он развернулся и ушел, уводя за собой Демитра. Тот на прощание кивнул мне, и в его взгляде я прочитала нечто неуловимое — разочарование?

Истер, постанывая, поднял свой меч и сунул его в ножны. — Ну что, проводишь меня к лекарям? А то я, как жертва вероломного магического нападения, сейчас по дороге рухну.

— Идиот, — я фыркнула, но почувствовала, как камень сваливается с души. Все обошлось. — Ты и сам кого угодно можешь магией в порошок стереть!

Мы побрели через плац, молча. Я чувствовала, что он хотел что-то спросить, но не решался. И тогда голову заполнили видения.

— Только кошмары. Никаких странных видений не было.

— Что? — спросил Истер.

— Ты хотел спросить, не было ли у меня странных видений. Не было. Странных снов тоже. Только кошмар. Один. И ты хотел сказать, что тебе снятся странные сны, но не видения.

— В целом да. И да, на видения не похоже. Я пытался расшифровать, но не смог. Как думаешь, стоит беспокоиться?

— Не знаю.— Мы уже подходили к двери в казармы гвардии, где дежурил лекарь. — Расскажешь, если станет хуже.

— Договорились. — Он остановился у двери и вдруг серьезно посмотрел на меня. — Спасибо, сестра. За встряску. И за... всё остальное. Было весело.

— Да уж, — я улыбнулась. — Тебе-то хорошо, тебя сейчас мазью будут мазать, а мне идти к матери разбираться с ее вибрирующими потоками. Мне одной кажется, что это просто предлог, чтобы примерить на меня очередное платье к балу?

Истер засмеялся и, помахав рукой, скрылся за дверью.

Я осталась одна. Ветер уже не казался таким леденящим, а спина ныла приятной усталостью. Я медленно побрела через дворы обратно во дворец, в свои покои. Предстояло привести себя в порядок перед визитом к королеве.

Я оттолкнулась от двери и, скинув потную рубаху, направилась к умывальнику. Холодная вода обожгла кожу, смывая следы тренировки и немного проясняя голову. Я подошла к большому резному ларцу у стены — тому, где лежали наряды, купленные лично мной.

Откинула тяжелую крышку. И замерла.

Сундук был пуст.

Нет, не совсем. На самом дне лежала одна-единственная шелковая шаль цвета старого вина, одиноко и укоризненно поблескивая в полумраке. Остального — любимых шерстяных и льняных платьев, простых, слегка свободных — не было.

В этот момент дверь бесшумно открылась, и на пороге возникла Сила с аккуратной стопкой свежесглаженного белья в руках. Увидев мое ошеломленное лицо и открытый пустой сундук, она замерла, и на ее круглом, обычно безмятежном лице промелькнуло нечто похожее на вину.

— Тэба! Вы уже вернулись... — она поспешила внутрь, стараясь не смотреть мне в глаза. — Я сейчас принесу обед. Повара сегодня растарались.

Я медленно выпрямилась, не отрывая взгляда от горничной. Воздух в комнате вдруг стал густым и тягучим.

— Сила, — сказала я тихо, и мой голос прозвучал странно спокойно. — Все мои платья. Где они?

— Прачкам отдала.

— Что, все? — я скептически посмотрела на горничную.

— Да. Они отсырели. За шерстью нужен особый уход.

Все понятно. У прачек моих нарядов нет. Можно даже не спускаться.

— И в чем же мне ходить? Мне к королеве нужно!

— У вас полные сундуки нарядов. Я сейчас подберу что-

нибудь подходящее для принцессы.

Сила замерла, поднося руку ко рту, смотря на меня взглядом, полным ужаса.

— Что ты сейчас сказала?

Она побледнела. Ее глаза забегали, ища спасения на потолке, на стенах, где угодно, только не на мне.

— Я... я ничего, тэба! — Сила залепетала, отступая к двери и роняя на пол стопку белья. — Просто оговорились! Вы же наша госпожа, наша тэба... как принцесса для нас... мы вас так любим...

Но ложь висела в воздухе густым и липким сиропом. Я шагнула вперед, и дверь за спиной Силы бесшумно захлопнулась сама собой, повинувшись малейшему импульсу моей воли. Горничная вздрогнула, прижавшись к дереву.

— Сила, — голос мой был тихим, но в нем звенела сталь, заставляя ее замереть. — Хватит. Говори. Где я прокололась? И кто и что знает?

Она обреченно посмотрела на меня, и вдруг все напряжение с нее спало. Плечи обвисли, а в глазах появилась странная смесь страха и облегчения.

— Нигде не прокололись. Вы нигде. И... Все... Все уже давно догадались, тэба. Ну, не все-все, а те, кто поближе... — она вздохнула и понизила голос до конспиративного шепота, хотя мы были одни. — Сначала, когда вы только появились, все думали, что вы... ну... фаворитка. Кронпринца. Потом — короля. Слишком уж Его Величество к вам благоволил, да-

же для личного мага. Потом... потом стали замечать, что вы с кронпринцем — вылитые брат с сестрой. Особенно когда смеетесь или злитесь. И пошли разговоры, что вы бастард короля. Внебрачная дочь.

Она помолчала, анализируя мою реакцию. Я стояла не двигаясь, слушая этот леденящий душу пересказ дворцовых сплетен.

— Но это не сходилось с концами, — продолжила Сила, уже более уверенно. — Если бы вы были просто бастардом, королева... Ее Величество... она бы вас на дух не переносила. А она... она смотрит на вас, как... — горничная запнулась, подбирая слова, — как на чудо. Как на самое дорогое, что у нее есть. И тогда... тогда кое-кто вспомнил арест канцлера Марца. Все шептались, за что. И кто-то из слуг услышал обрывок разговора в кабинете у короля... про убийство принцессы Эланы. И что Марц во всем сознался. А тогда... тогда мы все посмотрели на вас... и все поняли.

Воздух перестал поступать в легкие. Так. Значит, тайна, которую мы с отцом и Истером так тщательно оберегали, уже давно стала достоянием самого проницательного и болтливого сословия — дворцовой прислуги.

— Кто именно знает? — спросила я, и голос мой прозвучал чужим, плоским.

Сила занервничала снова, заламывая пальцы.

— Ну... моя двоюродная сестра, Лина, она среди горничных Ее Величества... и ее напарница, Дани. Лорд Зиран, ко-

нечно, он же все знает... И адъютант кронпринца, лейтенант Ренар. Он давно служит Его Высочеству, с детства, он... он все видел.

Она посмотрела на меня с внезапной горячностью.

— Но они ни за что не проболтаются, тэба! Клянусь вам! Все они... они вас обожают! Вы же самая добрая, самая справедливая госпожа! Вы никогда ни на кого не кричите, не унижаете, всегда благодарите. Никто не хочет, чтобы вас уничтожил Иллюзион! Лина говорит, что вы — точная копия королевы в молодости, только... только живее. И все рады, что вы живы! Искренне рады! Мы все будем охранять вашу тайну как свою собственную!

Она говорила с таким пылом, что ее круглые щеки покраснелись. И в ее словах не было лжи. Только искренняя, почти фанатичная преданность.

Я отшатнулась мысленно. Моя жизнь, моя боль, моя тайна — все это стало предметом обсуждения, догадок и, как ни странно, всеобщей любви. Это было невыносимо. И в то же время... странно трогательно.

Я обернулась и посмотрела на пустой сундук. На ту самую шаль. На аккуратные стопки белья, которые принесла Сила. Весь этот театр абсурда, в котором я играла главную роль, даже не зная своего настоящего зрителя.

— Хорошо, Сила, — наконец сказала я, чувствуя страшную усталость. — Я поняла. Принеси мне обед. И... подбери что-нибудь из этих королевских «лохмотьев». Все равно вы-

бора у меня нет.

Сила метнулась к двери, потом остановилась и обернулась.

— Тэба... простите меня. Я не хотела... мы не хотели вас расстраивать.

— Я знаю, — тихо ответила я. — Иди.

Она выскользнула за дверь, оставив меня наедине с гулкой тишиной и осознанием того, что я живу в стеклянном доме, где все стены — зеркала, а все слуги — зрители, горячо болеющие за главную героиню.

Глава 8. Бал во дворце

— Ты уже готов?

Я бросил взгляд в зеркало, поправляя обшлаг. В отражении за моей спиной замерла в дверях мать.

— Почти, — ответил я, не оборачиваясь. Хватило и отражения.

- Этот бал важен, Демитр. Тебе нужно нарабатывать связи для работы в Совете. Без этого никуда. И потом... - мать замялась, стараясь не смотреть мне в глаза. - Может с кем-нибудь... познакомишься. Я имею ввиду девушку.

Вот так. Прямо к делу, без лишних уверток и ужимок. Не зря она жена маршала.

— Матушка, оставьте это, — я повернулся к ней, и мои слова прозвучали ровно, без прежней резкости, но и без тепла. — Это не ваша забота.

— Демитр, я просто не хочу, чтобы ты оставался один! Это неправильно! — в ее голосе зазвенели знакомые нотки паники. — Что плохого в том, что мать желает сыну счастья? Хочет видеть его с семьей, а себе — нянчить внуков!

— У вас есть внуки, — отрезал я, и в воздухе повисло все невысказанное. Мои дети. Которые не от меня, но мои.

— Да, — она снова запнулась, ее взгляд ускользнул в сторону. — Маг и демон. Но... внук-дракон тоже не помешал бы.

"Не мои", — ясно прочитал я в ее сжатых губах. Она промолчала, не решившись сказать это вслух. Возможно, я и вправду был слишком резок с ней с самого возвращения. Но сил на притворство, на то, чтобы делать вид, что ее тихое осуждение не ранит, у меня не осталось.

— Давайте будем откровенны, матушка, — мои слова прозвучали холодно и обреченно. — Ни одна аристократка, ни одна благоразумная девушка не свяжет свою судьбу с мной после всего, что произошло. После того, как узнает всю правду. Ваши мечты о внуке-драконе придется оставить.

— А Марица? — имя прозвучало как выстрел в тишине комнаты. — Вы же переписывались все эти годы. Она даже сама приезжала, чтобы помочь Иларии. Проявила участие.

Я замер, ощущая, как стальная пружина внутри меня сжимается еще туже. Марица.

— И теперь, — я медленно выдохнул, — вы готовы рассмотреть ее в качестве невестки? Пять лет назад, когда она была никем — простой деревенской магичкой без рода и титула, — она вас не устраивала. Настолько, что, зная о моем предложении, вы пошли к королю с прошением о других кандидатурах. А теперь, когда она стала личным магом короля и восходящей звездой при дворе, ее кандидатура внезапно стала приемлемой? — Я горько усмехнулся. — Увы, опоздали. Она фаворитка кронпринца. Ходят слухи, что вопрос практически решен.

— Это всего лишь слухи! — отмахнулась мать, но в ее

глазах мелькнула неуверенность.

— Я видел, как они общаются, — парировал я, стараясь не выдать, какую неожиданную боль мне это причинило. — Король ей благоволит. Я не намерен строить иллюзии насчет будущей королевы.

Мать вздохнула, и в этом вздохе было поражение. Ей тоже было тяжело. Так стоило ли винить ее за то, что ей нужен был внук-дракон. Чистокровный наследник, чтобы смыть пятно позора с их рода. Даже если она и сможет полюбить Иларию и Аэлиана.

Я резко развернулся и вышел из комнаты, не глядя на мать, все еще стоявшую в дверях. Ее тихий, обескураженный взгляд я чувствовал спиной. Шаг был твердым, мерным — как по плацу. Я шел по длинному коридору в восточное крыло, к детским покоем.

Дверь в комнату Иларии была приоткрыта. Я постучал костяшками пальцев и вошел, стараясь, чтобы скрип сапог по паркету был как можно тише.

Илария спала, зарывшись носом в гриву своего потрепанного плюшевого единорога. Серебристые волосы растрепались по подушке. На тумбочке рядом, аккуратно сложенный, лежал тот самый браслет с кристаллом, который подарила ей Марица. Девочка уже всю использовала его для своих первых упражнений.

Я присел на край кровати, и пружины тихо вздохнули. Осторожно, чтобы не разбудить, положил ладонь на ее лоб.

Кожа была прохладной, дыхание ровным. Никаких следов боли или напряжения на лице. Только мирный, глубокий сон. Та самая нормальность, за которую я был готов заплатить чем угодно.

Я наклонился и коснулся губами ее виска. Легко, почти невесомо.

— Спи, солнышко, — прошептал я так тихо, что это было скорее движением губ, чем звуком.

Затем так же тихо вышел и пересек коридор в комнату Аэлиана.

Там царил характерный хаос: кубики, деревянные солдатики, маленькая сабля. Сам виновник беспорядка спал, раскинув руки в стороны и подложив под щеку лапу плюшевого медвежонка. Рот был приоткрыт, пухлые щеки розовели.

Я не сдержал легкой улыбки. Этот сорванец даже во сне выглядел готовым к приключениям. Я поправил сбившееся одеяло, и он во сне хмыкнул и повернулся на бок.

Вот они. Моя семья. Мой позор и моя гордость. Моя крепость и моя ахиллесова пята. Все, что осталось настоящего после всей этой светской мишуры.

Я снова наклонился, на этот раз чтобы поцеловать в макушку его мягкие, пахнущие мылом волосы.

— Крепко спи, боец.

Я вышел, закрыв за собой дверь, чувствуя, как меня наполняет теплом. Но пора ехать. Я итак задержался, сам укладывая детей спать.

Этот короткий порыв тепла остался со мной, когда я сел в карету. Кучер щелкнул вожжами, и экипаж тронулся, увозя меня от тихого уюта поместья в блестящий, ядовитый омут придворной жизни.

Огни столицы проплывали за стеклом. Я откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и мысленно готовился к бою. К любезным улыбкам, за которыми скрывается любопытство и злорадство. К сочувственным взглядам, за которыми — презрение. К вопросам о детях, о будущем, о том, «не думаю ли я снова о женитьбе».

Карета плавно остановилась у сверкающих огнями главных ворот дворца. Гул голосов, смех, торжественные аккорды музыки — привычная атмосфера бала. Штандарты с гербом Ангара трепетали на вечернем ветру. Гвардейцы в парадных доспехах замерли по стойке «смирно», узнавая меня. Их взгляды были привычно отрепетированной маской почтительности, но я уловил в них искру любопытства. Смотрите, Янг явился. Как он держится после всего?

Я вошел в сияющую огнями галерею, где уже толпились гости. Шелк, бархат, бриллианты, запах дорогих духов и вина — знакомый омут, в котором я научился плавать с детства. Но сегодня взгляды цеплялись за меня, как крючья. Шёпот следовал по пятам.

Разведен. Дети не его. Какой позор... Смотрите, как уверенно держится. Наглость, не иначе.

Я шёл вперед, глядя прямо перед собой, отдавая кивки на

приветствия, но не задерживаясь. Моя цель была в тронном зале.

И вот я предстал перед ними.

Король Ледарс восседал на своем троне, холодный, собранный, с тем пронзительным взглядом, который, казалось, видел насквозь каждого. Но когда-то в этой холодности была пустота. Теперь же... теперь в ней чувствовалась жизнь и сила. Он смотрел на мир как полководец, вернувший себе захваченную крепость.

Я склонился в глубоком, почтительном поклоне, как того требовал этикет.

— Ваше Величество. Ваше Величество, — мой голос прозвучал четко и громко, заглушая гул зала. — Благодарю за приглашение.

Ледарс кивнул, его взгляд на мгновение задержался на мне, оценивающе, без тени снисхождения.

— Генерал Янг. Рад вас видеть. Поднимайтесь.

Но настоящим потрясением для меня стала королева.

Верания. Я помнил ее — живую статую, призрак в королевских одеждах. Она часто была бледна, а ее глаза смотрели в какую-то бесконечную даль, полную боли. Все ждали, что она окончательно угаснет.

Но та женщина, что сидела сейчас рядом с королем... Она сияла. Не просто была красиво одета и улыбалась гостям. От нее исходила какая-то внутренняя, теплая энергия. В ее глазах, таких же пронзительных, как у мужа, плескалась жизнь,

озорство и неподдельная, живая радость. Она что-то шепнула мужу на ухо, и на его обычно суровых губах дрогнула едва заметная улыбка.

Я склонился и перед ней, целуя поданую руку.

— Ваше Величество. Вы ослепительны сегодня.

— Генерал, — ее голос звенел, как хрусталь, в нем не было и тени былой отрешенности. — Мы рады вас видеть. Надеюсь, вы готовы к танцам? Придется отдать вам должное — немногие мужчины выглядят так впечатляюще в парадном мундире.

Это была светская любезность, но произнесенная с такой искренней теплотой, что даже у меня, старого солдата, на мгновение сжалось сердце. Что, шеров хвост, произошло с этой семьей за пять лет?

Отойдя от трона, я замер у колонны, наблюдая за ними, стараясь не привлекать внимания. Ледарс и Верания. Истер, который, смеясь, о чем-то говорил с группой молодых дворян, — не надменный наследник, а уверенный в себе мужчина, чья власть была не в титуле, а в харизме. Даже в их общении сквозила какая-то новая, странная близость. Не та, что была раньше — строгая, церемонная, протокольная. А какая-то... шумная, почти обычная. Как будто их мир, некогда расколотый надвое, не просто сросся, а стал прочнее в месте разлома.

Кажется, я много пропустил, закопавшись в песках на границе с Иными землями.

Я сделал глоток вина, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, и погрузился в беседу с группой генералов и советников. Разговор вертелся вокруг дел на границах, поставок зерна в пострадавший Мекеш и вечных трений с Феорильей из-за торговых пошлин.

— А вы как думаете, генерал? — обратился ко мне граф Эренталь. — Говорят, вы хорошо знакомы с нравами феорильцев. Стоит ждать от них новых выходов?

— Феорильцы уважают только силу и выгоду, — ответил я. — Пока наши корабли контролируют торговые пути, а драконы патрулируют границы, их «озабоченность» останется лишь на словах.

Мой взгляд, блуждая по залу, наткнулся на интересную картину: у одной из мраморных колонн, полускрытая тенью, стояла Патриния Варц и о чём-то разговаривала с молодой аристократкой в синем платье. Глава Тайной канцелярии, как всегда, была сосредоточена и слушала с тем спокойным, слегка отстранённым выражением, которое я помнил.

Аристократка была хороша. Весьма хороша. Синий шёлк платья, оттенка ночного неба, мягко струился вокруг неё, подчёркивая каждый изгиб стройной фигуры. Серебристая вышивка, подобно звёздной россыпи, мерцала при каждом движении. Платье, явно дорогое, было лишено чопорного корсета и кричащей роскоши — оно было элегантным, даже скромным, но в этой скромности была уверенная, зрелая женственность.

И лишь спустя почти минуту, наблюдая за знакомой жестикulyацией, я её узнал. Сердце на мгновение замерло, а затем забилось с новой, лихорадочной силой. Это была Марица.

Не отдавая себе отчета, я извинился перед генералами и направился к ним, чувствуя, как за спиной затихают обрывки фраз и загораются любопытные взгляды. Я сделал шаг, а затем ещё один, решительно рассекая толпу, как клинок — воду.

— Леди Варц. Тэба Лантерис, — я склонил голову, нарушая их беседу. — Надеюсь, не помешал?

Марица вздрогнула и обернулась. Наши взгляды встретились, и уголки её губ тронула та самая, знакомая мне с давних пор, сдержанная улыбка.

Да, она повзрослела. Исчезла та юношеская мягкость, лицо потеряло детскую округлость, а скулы слегка заострились, прорисовав элегантные, строгие линии. Это не делало её суровой — напротив, это придавало её красоте сложность и глубину, как драгоценному манускрипту, который хочется читать и перечитывать.

Волосы, заплетённые в сложную, но изящную причёску, стали чуть темнее, и этот новый цвет потрясающе оттенял её глаза — все те же бездонные, ярко-зелёные, как листва после дождя. В них больше не было восторга юной девушки, лишь спокойная, почти отстранённая уверенность женщины, которая знает себе цену.

— Генерал, — Патриния обратилась ко мне, и в её голосе я услышал неподдельное участие. — Позвольте выразить вам свою поддержку. Рада видеть вас снова в столице и в Совете. Ваш опыт и решимость нам очень пригодятся.

Удивительно, но сейчас это был, пожалуй, единственный человек во всём зале, кроме Марицы, которому я был искренне рад. Она почти не изменилась за эти годы, все тот же взгляд серых глаз, в котором отражался острый ум и железная хватка. Она знала абсолютно все, что происходило в королевстве и за его пределами. Когда-то я терпеть ее не мог, считая, что ее канцелярия вмешивается в дела армии, пока не понял, что мы оба всегда действовали во благо королевства.

— Благодарю вас, леди Варц. Приятно снова быть полезным. Хотя, признаться, за пять лет многое изменилось. — Я позволил себе лёгкий намёк, бросив взгляд в сторону трона.

Патриния проследила за моим взглядом, и на её тонких губах дрогнула едва заметная, загадочная улыбка.

— О, генерал, вы даже не представляете, насколько. Порой самые глубокие раны заживают именно в тот момент, когда целитель готов объявить больного мёртвым. — Она сделала небольшой глоток из своего бокала. — Ангар обрёл то, что потерял много лет назад. И это делает нас всех сильнее.

Я видел, как Марица стояла, слегка отведя взгляд, и у меня возникло стойкое ощущение, что она из всех сил старается не ткнуть леди Варц локтем в бок.

— Надеюсь, мне удастся внести свой вклад в эту новую силу, — ответил я, всё ещё пытаюсь разгадать их странное поведение.

— Не сомневаюсь, — Патриния лукаво окинула меня взглядом. — Пожалуй, я вас оставлю. Марица, зайди ко мне через пару недель. Я постараюсь что-нибудь выяснить. — И с этими словами она кивнула нам обоим и растворилась в толпе, оставив меня наедине со старым другом.

Я повернулся к ней, и всё остальное перестало существовать. Весь шум бала, весь блеск и суета — всё это смолкло, уступив место тишине, что повисла между нами.

Взгляд невольно скользнул по ее фигуре. Полупрозрачное кружево на рукавах и декольте дразнило воображение, намекая на то, что скрыто, и от этого вида у меня резко пересохло в горле. Кажется, я говорил матушке, что не намерен строить иллюзии о будущей королеве?

Кажется, сейчас я именно этим и занимаюсь. Шер, я ведь действительно за эти пять лет не думал о ней, как о женщине! Но стоило ее лишь раз увидеть в этом проклятом платье, и все пошло прахом. Я замер, забыв о бокале в руке, о беседе, обо всём зале.

— Демитр! Как тебе бал? — прервала она молчание.

— Весьма неплох, — выдавил я, всё ещё не в силах отвести от неё взгляд.

— А я бы с радостью окопалась в свитках. Жаль, улизнуть не удалось, — она вежливо улыбнулась какому-то ари-

стократу, кивнув в знак приветствия, и я вдруг почувствовал, как по моим жилам разливается густой, ядовитый поток ревности. Все чувства, что я, казалось, похоронил, с новой силой рвались на свободу.

— Красивая пара, не правда ли? — спросила Марица, кивая в сторону зала, на Истера.

Я перевел взгляд на кронпринца. Он, казалось, вообще не замечал ту, на ком весь двор его уже мысленно женил. Все его внимание поглотила Джелара, младшая дочь графа Эренталя. Нельзя было его за это винить — девушка была чертовски привлекательна. Я скосил взгляд на Марицу, наблюдая за ее реакцией. Ни капли ревности, лишь тихая, немного грустная улыбка. Но слухи редко возникают на пустом месте. Я сам видел, как они разговаривают... Неужели она ради трона готова мириться с его изменами? Но это на нее не похоже! Или я... я чего-то не понимаю?

— Жаль их. Его Величество задумывается о политическом браке с принцессой Феорильи, — пробормотала Марица.

— До меня дошли слухи, что весь двор считает тебя фавориткой принца Истера, — не удержался я, и мои слова прозвучали резче, чем я хотел.

Марица повернулась ко мне, и в её зелёных глазах заплясали весёлые, почти озорные искорки.

— А я и есть его фаворитка, — парировала она, и её улыбка стала таинственной. — Просто все забывают, что быть фа-

воритом — это почти официальная должность, а не описание личной жизни. Так что да, я его первая советница и доверенное лицо. Но я... — она сделала многозначительную паузу, — ...я с ним не сплю, генерал.

Она отхлебнула вина, и её взгляд поверх бокала стал серьёзнее.

— Но если тебе интересна моя личная жизнь, Демитр, то спроси об этом прямо. Не стоит доверять шепоткам в углах.

Воздух между нами снова наэлектризовался. Она бросила мне вызов, прямой и честный, как удар мечом. А мне срочно требовалось сменить тему.

— О чем вы разговаривали с леди Варц, если не секрет? — спросил я, чувствуя, как неловкость отступает перед привычной деловой прямоотой.

Тень озабоченности скользнула по её лицу, смыв всю игривость. Она отставила бокал на поднос проходившего мимо слуги.

— О странностях. Которые мне категорически не нравятся. — Она понизила голос, и её слова стали чёткими, отточенными, как клинок. — Синие огни и поющие камни в Вербесе, о которых все благополучно забыли после селя. Трёхмесячные ливни в Мекеше, которые даже наша помощь пока не может остановить полностью. И, как будто этого мало, сегодня пришли донесения из Феорилы.

Она обвела взглядом зал, будто проверяя, не подслушивает ли кто, но её движение было естественным, светским.

— В Феорильи не ливни. Там засуха. Полная, неестественная. Реки мелеют на глазах, колодцы пересыхают. И это началось практически одновременно с потопами у соседей. Как будто кто-то вывернул погоду наизнанку.

Я нахмурился. Военная логика подсказывала: два разнонаправленных бедствия у границ — это не случайность. Это стратегия.

— Координационная атака? Но кто и зачем? Чтобы ослабить регион?

— Возможно. Но это ещё не всё. — Её взгляд стал тяжёлым, озабоченным. — Помнишь, Хестал на той встрече жаловался, что много стало пациентов с обожжёнными магическими каналами? Так вот, это не прекратилось. Их становится больше. И это не самоучки, которые перестарались. Это опытные маги, знающие свою меру. Они описывают одно и то же: магия будто «вскипает» внутри них в самый неподходящий момент, выжигая каналы. Словно сам Исток стал нестабильным.

От её слов по спине пробежал холодок. Магия — основа всего. Если с ней начинаются проблемы...

— И ты видишь в этом связь? — спросил я, и собственный голос показался мне приглушённым.

— Я не верю в совпадения, Демитр. Слишком много их скопилось. Вербес, Мекеш, Феорилья, теперь вот это... — она сделала небольшой, едва заметный жест рукой, указывая на всё вокруг. — Я попросила Патринию помочь. Её сеть ин-

форматоров раскинута шире моей. Нужно найти общий знаменатель. Точку, где сходятся все эти нити. Пока это лишь разрозненные клубки, но инстинкт подсказывает — они из одной пряжи.

Она посмотрела на меня, и в её зелёных глазах я увидел не светскую даму, а королевского мага, до краёв наполненного тревожной решимостью. В этот момент оркестр сменил плавный менуэт на ритмичный вальс. Марица вздохнула, и её плечи слегка опустились под тяжестью незримого груза.

— Но сначала придётся оттанцевать этот проклятый бал. Ее Величество будет недовольна, если новый младший маг удалится, не проявив должного рвения к светским утехам.

Она обречённо повернулась ко мне, и в её взгляде вдруг мелькнул тот самый огонёк, который я помнил.

— Что ж, генерал, раз уж вы здесь и выглядите так впечатляюще в парадном мундире... Не желаете ли танец? Спасите меня от графа Эренталья, он уже пялится на меня, как на новую диковинку в своей коллекции.

И прежде чем я успел что-либо ответить, её пальцы легли на мою руку. Прикосновение было лёгким, почти невесомым, но от него по всему телу разлилось тепло, сметая все тревоги и сомнения. На мгновение не осталось ни бала, ни интриг — только её рука на моём рукаве и вызов в её глазах.

Я склонил голову.

— Считайте, что вы уже спасены, тэба Лантерис. Только предупреждаю, я давно не танцевал.

— Ничего, — она улыбнулась, и это была уже не улыбка придворной дамы. — Я тоже. Так что если я наступлю вам на ногу, просто сделайте вид, что так и задумано.

И мы двинулись в сторону танцующих, оставляя за спиной шепотки и любопытные взгляды. Но теперь они не имели значения. Гораздо важнее были те тревожные тучи, что сгустились на горизонте королевства, и тёплая тяжесть её руки на моей.

* * *

Следующие три недели стали для меня самой изощренной пыткой — и я ни за что не отказался бы от неё. Хестал нашёл для Иларии нового преподавателя — пожилого, терпеливого мага-теоретика, чьи методы больше походили на медитацию, чем на муштру. Марица перестала приходить в наше поместье. Казалось бы, я должен был вздохнуть с облегчением — меньше поводов для боли, для воспоминаний о том, что могло бы быть. Но вместо этого в душе образовалась пустота, которую не могли заполнить ни отчёты, ни тренировки гвардии. Разве что смех детей.

Ирония судьбы распорядилась иначе. Король, словно испытывая меня на прочность, поручил мне контроль за делом полковника Юварга и реорганизацию гарнизона в Вербесе. А тэбу Лантерис назначил курировать работы рудокопов и магические изыскания на границах все тех же Синих гор. Наши пути теперь пересекались ежедневно.

Мы стояли над картами в душной комнате штаба, наши

пальцы случайно касались одного и того же свитка. Я чувствовал исходящее от неё тепло, лёгкий запах лаванды и пергамента, и мне приходилось сжимать руку в кулак, чтобы не коснуться её запястья, не провести пальцем по тонкой коже, где пульсировала жилка.

Мы объезжали укрепления вместе, и ветер срывал с её головы непокорные пряди. Я видел, как она нетерпеливо отбрасывала их назад, и мне до боли хотелось сделать это за неё, задержать руку на шёлковой тяжести её волос, а затем прижаться губами к её виску, вдохнуть её запах, смешанный с запахом ветра и высокогорных трав.

Я наблюдал, как она, хмурясь, объясняет что-то группе рудокопов и геомантов. Её лицо, озарённое внутренним светом понимания, было прекраснее любой придворной красавицы. Она говорила чётко, авторитетно, находя слова и для учёных мужей, и для простых шахтёров. И я ловил взгляды некоторых из них — не только уважительные, но и откровенно похотливые, задерживающиеся на изгибе её талии, на линии губ. В такие моменты ярость, холодная и слепая, подкатывала к горлу. Мне хотелось встать между ней и всем миром, заслонить её собой, бросить вызов каждому, кто посмеет смотреть на неё, как на женщину. В голове рождались немые обещания разорвать на куски любого, кто осмелится к ней прикоснуться. Но я лишь глубже впивался ногтями в ладони, оставляя на коже красные полумесяцы, и отворачивался, делая вид, что изучаю горизонт.

На заседаниях Совета я сидел напротив неё. Она была воплощением собранности и компетентности, её доклады — образцами точности. Но я видел больше. Видел, как она потихоньку потирает запястье, всё ещё ноющее после селя. Как прячет зевок за изящно поднятой рукой после бессонной ночи за исследованиями. Как её взгляд на секунду становится отсутствующим, будто она прислушивается к чему-то, чего не слышат остальные. Лорды — Брендон, Тарос и другие. В их глазах читалось раздражение от её растущего влияния и пренебрежительная оценка ее способностям. В такие минуты мне хотелось ощутить хруст их хрящей под костяшками, увидеть, как с их губ слетит эта пренебрежительная усмешка вместе с кровью.

Я хотел принести ей их головы. Положить к её ногам их уничтоженные репутации, их рухнувшие состояния, их пустые титулы. Как дракон приносит своей избраннице добычу, сверкающую и ценную. Чтобы она увидела. Чтобы она поняла, что за неё готовы разорвать глотку любому, кто посмеет бросить на неё косой взгляд.

Чтобы она, хотя бы на мгновение, перестала быть тэбой Лантерис, младшим магом Совета. И стала просто женщиной, которую яростно, до безумия, защищают.

Однажды поздно вечером мы засиделись в моём кабинете, согласовывая последние детали отчёта для короля. Свечи догорали, отбрасывая тревожные тени на стены, за окном давно стемнело. Она сидела, склонившись над бумагами, и

свет плавил золотом её ресницы. Я стоял у камина, наблюдая за ней, и чувствовал, как привычная стена осторожности и самообладания даёт трещину.

И тогда я понял. Это было не то мимолётное увлечение, не та страсть, что вспыхнула пять лет назад между молодым генералом и одарённой, пылкой девушкой. То было чувство, выкованное из стали уважения, выстраданное в тишине одиноких ночей, выросшее из восхищения её умом, её силой, её неизменной добротой, которую она тщательно скрывала под маской суховатой деловитости. Я любил не только её красоту. Я любил её душу. Её упрямство и её сострадание, её ярость и её нежность. Я любил женщину, которой она стала, — сильную, уверенную, прошедшую через боль и не сломавшуюся.

Чувства были крепче, глубже, неистовее, чем всё, что я знал прежде. Они жгли меня изнутри, лишая сна и покоя.

Но вместе с этой любовью пришла и горькая, беспросветная ясность. Теперь для меня не осталось шансов. Я был мужчиной, испачканным громким разводом, с двумя неродными детьми на руках, с покалеченным драконом внутри, чья сила могла в любой момент обратиться против меня самого, сжечь изнутри, оставив лишь пустую оболочку, или искалечить, превратив в пожизненного узника собственного тела. Я предлагал ей лишь осколки своей жизни, свою израненную репутацию и тень бывшего могущества.

А она... Она была восходящей звездой королевства. Лич-

ным магом короля. Младшим магом Совета. Доверенным лицом кронпринца. Её будущее было сияющим и безоблачным. Что я мог предложить ей взамен? Только себя. Сломленного, но не сдавшегося. Закалённого в боях, но уставшего от предательств. Любящего её так, как уже не способен был любить никто другой. Но этого было так мало. Так ничтожно в сравнении с тем, что ждало её впереди.

Я смотрел, как она аккуратно складывает бумаги, и в горле вставал комок безысходной нежности.

Я безнадежно влюблён, — с безжалостной ясностью констатировал я про себя. Снова. Сильнее, чем прежде. И на этот раз мне не на что надеяться.

Она подняла на меня глаза, и в её зелёных глазах мелькнуло вопрошание.

— Демир? Ты что-то сказал?

— Нет, — мой голос прозвучал хрипло. — Просто задумался. Уже поздно. Нам обоим пора отдыхать.

Она кивнула, и её улыбка была усталой, но тёплой. Этой улыбки мне хватило бы, чтобы продержаться ещё одну ночь в аду своих мыслей.

Я проводил её до двери, и лишь когда её шаги затихли в коридоре, позволил голове упасть на прохладное дерево косяка. Сердце бешено колотилось, выстукивая один-единственный, безнадежный ритм.

Её имя.

В моей группе в ВК (Писатель Европейцева Александра) есть чат "Обмен рекомендациями книг". В нем участники рассказывают, какие книги других авторов им пришлись по вкусу! Присоединяйтесь!

Глава 9. Нападения.

Недели, следовавшие за балом, пролетели в лихорадочном темпе. Отчёты по Вербесу, бесконечные совещания с геомантами, расшифровка данных, приходящих от разведки из Мекеша и Феорильи. Никто, ни геоманты, ни маги, ни агенты Патринии не нашли ничего странного, но я чувствовала, как воздух в королевстве сгущался, словно перед грозой. Хотя, не могла отрицать и того, что просто стала параноиком.

Истер больше не жаловался на кошмары, а королева была весьма недовольна тем, что на балу я потратила время на работу и потанцевала лишь с Демитром и парочкой престарелых лордов, которые явно не годились мне в мужья. А я не могла забыть его взгляд во время танца, то, как уверенно и тепло лежала его рука на моей талии.

Еще не давали покоя видения, порожденные мыслями Демитра. Одни были полны нежности, другие весьма... пикантные. Он явно не подумал о том, что каждое его решение, заправить прядь моих волос за ухо или оставить обжигающий поцелуй на шее, проносилось видением в моей голове. Единственным спасением от этих мыслей была работа.

Кажется, он снова в меня влюбился! Кажется....я снова в него влюбляюсь! Нет, все, стоп! Не думать, не думать, не думать! Королева будет в восторге, от подколок Истера мне не

спасти, а вот король... король может и казнить своего генерала.

Нужно сосредоточиться на том, чтобы обновить защитные чары в кабинете Его Величества. Я прошла вдоль стен, касаясь кончиками пальцев резных дубовых панелей, ощущая знакомую, почти осязаемую пульсацию магии, вплетённой в саму структуру дерева и камня. Защиты здесь были мощными, многослойными, выстроенными поколениями королевских магов. Но и они требовали постоянного поддержания, подпитки.

Работа успокаивала. Монотонный ритм заклинания, знакомое ощущение силы, льющейся сквозь меня, действовало лучше любого снотворного. Я двигалась по периметру комнаты, углубляясь в трансовое состояние, почти не думая, действуя на чистом инстинкте.

— Новое платье? — голос, тихий и спокойный, прозвучал совсем рядом.

Я вздрогнула, потеряв концентрацию. Силовой поток дрогнул и рассыпался искрами. Я обернулась.

Ледарс стоял у камина, оперевшись локтем о каменную полку. Он смотрел на меня не как король на подчинённого, а как отец на дочь — с лёгкой, почти незаметной улыбкой в уголках глаз.

— Простите, я отвлеклась, — пробормотала я, чувствуя, как глупая краска заливает щёки.

— Ничего. Чары подождут. А вот ответ — нет. — Он сде-

лал глоток из стоявшей рядом на столе хрустальной рюмки. — Так что же? — настаивал он, и в его голосе зазвучала мягкая, но настойчивая нота. — Это уже третье за неделю, присланное тебе Веранией. Не то, что она, несомненно, предпочла бы на тебе видеть, но подобранно со вкусом.

Я опустила взгляд на складки платья — глубокого зеленого оттенка с серебряной нитью по подолу, напоминающей звёздную дорожку. Простое, элегантное, и чертовски дорогое. Да, я сама его надела без всякого приказа.

— Старые, — он усмехнулся, коротко и сухо, — состояли из практичной шерсти и льна, купленных тобой же в ремесленном квартале. А это... — он ленивым жестом обвёл воздух передо мной, — это шелк с аукциона. Синие — позавчера. Бордовое — вчера. И вот это. Изумрудное. Ты внезапно озаботилась своим видом, дочь моя. После бала.

Он отставил рюмку и скрестил руки на груди, и его взгляд, тёплый до этого, стал пристальным, изучающим. В нём читалось не осуждение, а любопытство. И тревога.

— И это совпало с возвращением в столицу определённого генерала, — продолжил он. — Генерала, который, судя по тому, как он смотрел на тебя во время того вальса, явно не забыл, что пять лет назад просил твоей руки. И, если верить сплетням, которые доносят до меня даже сквозь стены этого кабинета, он снова начинает что-то чувствовать.

Я заставила себя рассмеяться. Вроде, вышло правдоподобно.

— Нет, Ваше Величество. Дело в том, что Ее Величество решила, что мой гардероб — это личное оскорбление королевскому вкусу. И завербовала себе сообщницу.

Ледарс поднял бровь, явно заинтересованный.

— О?

— Сила. Они сговорились. Тогда, после моего спаринга с Истером, я вернулась в покои и обнаружила, что весь мой сундук с платьями — теми, что я сама покупала, — пуст. На все мои вопросы горничная делала большие глаза и говорила, что «все вещи давно нуждались в стирке и отданы прачкам». — Я подошла к окну и провела пальцами по холодному стеклу, обновляя магическую метку слежения, вплетенную в раму. Чары дрожали, ослабевшие от недавней грозы. — Я, конечно, спустилась в прачечную. Старшая прачка поклялась мне всеми богами, что никаких моих вещей не видела и в помине. Так что, мне совершенно нечего надеть, за исключением даров от Ее Величества.

Отец тихо хрипло рассмеялся, звук был похож на отдаленный гром.

— Верания всегда достигает своих целей окольными путями, если ей не подчинились с первого раза. Ты что, сдалась?

Я обернулась к нему, разводя руками в красивом, но абсолютно бесполезном жесте, который так ловко переняла у придворных дам.

— Сдалась! Я поняла, что против такого напора не усто-

ять. Они выиграли эту битву. Остается только надеяться, что королева не решит «обновить» таким же образом и мое оружие. Представляю, что она подберет к моему клинку — может, ножны, усыпанные жемчугом? Или гарду, покрытую позолотой? Чтобы враги ослепли от блеска, прежде чем я успею их достать.

Ледарс покачал головой, но во взгляде у него читалось явное веселье.

— Не дай ей такой идеи. Кстати, у нас новый распределитель корреспонденции, и мне случайно доставили твою. Прости, я не глядя, вскрыл ее. — Он повернулся к столу и взял два лежащих рядом конверта. — Одно — из твоей деревни. От Маса. Другое — от леди Варц. С печатью Тайной канцелярии. Решай сама, с какой новости начать.

Сердце ёкнуло. Письмо от Маса было толстым, потрёпанным, заляпанным дорожной грязью — настоящее, живое, пахнущее домом. Конверт Патринии — тонкий, из плотной, качественной бумаги, с чётким, почти безэмоциональным почерком. Я молча указала на письмо из деревни.

Ледарс кивнул и протянул его мне.

— Читай. Взрослая женщина, сама разберёшься, что с этим делать. Но если кратко — Дафне выходит замуж. И вся деревня приглашает тебя на свадьбу. Настоятельно приглашает.

Я разорвала сургуч и пробежалась глазами по размашистым, знакомым буквам. Мас и правда сообщал о свадьбе!

Он подробно расписывал меню, сетовал, что яблок в этом году мало, и трижды подчеркнул, что я *обязана* приехать, благословить брак Дафне и Себара.

Я чувствовала, как по лицу расползается глупая, широкая улыбка. Настоящая. Первая за долгие дни.

— Вижу, новость порадовала, — констатировал Ледарс. Его собственное лицо смягчилось. — Свадьба через месяц. Я велел подготовить карету и эскорт. Поезжай.

— Но работа... Вербес... отчёты... — попыталась я возразить, хотя всё внутри уже пело от предвкушения увидеть родные холмы, старую кузницу Маса и его самого, сияющего, как медный таз.

— Работа подождёт. Наше королевство простояло тысячу лет, и за неделю без твоего присмотра не рухнет. А вот ты — нет. — Он отхлебнул из рюмки и посмотрел на меня поверх края. — За все пять лет я по пальцам могу пересчитать дни, что ты брала для себя. Поезжай. Развейся. Подыши деревенским воздухом. Потанцуй на свадьбе. Это приказ короля. К тому же... - он покрутил в руках бокал. - Тебе нужно окончательно решить вопрос с вашим старым домом. Он не должен пустовать, ему следует быть обжитым. Я понимаю, что ты не хочешь терять последнее, что осталось от Адорда и Лисарии. Но думаю они были бы рады, если в их доме вновь зазвучали детские голоса. И потом, наверное, это не последняя вещь. Ты говорила, что перед побегом из деревни закопала часть вещей в лесу.

— Да, закопала. Вы намекаете, что мне стоит подарить дом Дафне?

— Почему бы и нет. Решать все равно тебе. Теперь другая новость, — Ледарс стал серьёзен и протянул мне второй конверт. — От Патринии. Касается твоего друга. Паргуса.

Лёгкое настроение мгновенно испарилось. Я быстро вскрыла конверт. Записка была короткой, без церемоний, выведенным твёрдым, быстрым почерком главы Тайной канцелярии.

*«Марица.
 Паргуса доставили в столичный госпиталь. Ночью он в состоянии помрачения напал на нескольких агентов в штаб-квартире. Сопrotивлялся, как одержимый, ранил двоих. Его удалось обезвредить только усыпляющим.
 Симптомы... напоминают безумие демонов. Но не совсем. Будь осторожна.
 П.В.»*

Кровь стыла в жилах. Паргус. Весёлый, неунывающий Паргус, который всего пару недель назад с красным от смеха лицом показывал, как он тушил свои усы. Который хвастался, как хвалит его леди Варц, намереваясь чуть позже рассмотреть его на должность своего заместителя. Теперь он в госпитале, а Патриния пишет о «помрачении» и «безумии демонов».

— Что случилось? — голос Ледарса стал жёстким, деловым. Он видел моё лицо.

— Паргус... — я сглотнула комок в горле. — Он напал на своих. Его отправили в госпиталь. Леди Варц пишет, что это

похоже на одержимость.

— Поедешь к нему?

— Конечно, — ответила я без колебаний, сжимая в руке зловещую записку.

* * *

Дорога до столичного госпиталя промелькнула в тревожном тумане. Я почти не помнила, как миновала знакомые повороты, как стражники почтительно расступились, пропуская меня. Паргуса поместили в отдельную палату в глубине лечебницы. У двери стоял невозмутимый агент Тайной канцелярии, кивнувший мне в знак признания. Войдя, я увидела его — сидящим на кровати, сгорбленного. Он смотрел в стену пустым, потерянным взглядом.

— Паргус? — тихо позвала я, подходя ближе.

Он вздрогнул и медленно повернул ко мне голову. В его глазах не было ни безумия, ни одержимости — лишь глубокая, всепоглощающая растерянность.

— Марица? — его голос был хриплым, чужим. — Это... это правда? То, что они говорят? Я напал на своих?

— Они говорят, ты оказал яростное сопротивление, — осторожно подтвердила я, садясь на край кровати. — Но ты жив. И они живы. Это главное.

Он сжал свои перевязанные кулаки, и по его крепким, всегда таким уверенным рукам пробежала дрожь.

— Я ничего не помню, Марица. Ни-че-го. Одно мгновение — я сверял отчёт у себя в кабинете. Следующее — я

здесь, а мне говорят, что я чуть не перерезал горло Рену и Лайси. Своим же ребятам... — он закрыл лицо руками, и его плечи затряслись. — Это оно, да? То самое... безумие демонов?

В его голосе звучала такая горечь, такое отчаяние, что у меня сжалось сердце. Я положила руку на его плечо, ощущая под пальцами напряжённые мышцы.

— Нет, — сказала я твёрдо, гораздо твёрже, чем чувствовала сама. — Это не демоническое безумие. Оно выглядит иначе. Ты бы не задавал вопросов. Ты бы уже не был собой. Это что-то другое.

Он поднял на меня взгляд, полный немой мольбы.

— Но что?

— Я не знаю. Но я узнаю, — пообещала я. — Клянусь тебе. Мы во всём разберёмся. Ты не один.

Он кивнул, слабая надежда медленно возвращалась в его глаза. Я провела в палате ещё несколько минут, убедившись, что с ним всё в порядке — физически, по крайней мере.

Выйдя из госпиталя, я не поехала сразу во дворец. В голове крутились обрывки мыслей: Вербес, Мекеш, Феорилья, а теперь вот Паргус. Слишком много «совпадений», которых я не понимала. И когда я чего-то не понимала - искала ответы в рукописях. История - это спираль. И скорее всего кто-то, умнее чем я, когда-то уже дал ответ на мои вопросы. Осталось лишь найти их.

Библиотека встретила меня вечерней тишиной, нарушае-

мой лишь шелестом страниц да мерным гулом магических сфер, плывущих под сводами. Воздух, густой от запаха старого пергамента, заклинательной пыли и древесной смолы, казалось, сам был напитан знаниями.

Я прошла прямо вглубь, к указателю с надписью «Исторические хроники и редкие аномалии». Полки здесь вздымались до самого потолка, и чтобы добраться до верхних ярусов, приходилось пользоваться передвижными лестницами-платформами, которые послушно скользили вдоль стеллажей по малейшему мысленному приказу.

Мой запрос был расплывчат: «Совпадение климатических и магических катастроф», «Взаимосвязь аномальных явлений в разных регионах», «Исторические случаи массовых помрачений рассудка». Духи-библиотекари, похожие на ожившие свитки с бледными огоньками глаз, приносили стопки фолиантов и рукописей. Я погрузилась в чтение, отгородившись от мира высоким баррикадом из книг.

Часы текли, незаметно растворяясь в перелистывании пожелтевших страниц. Я сравнивала даты великих засух и наводнений прошлого, выискивала упоминания о «гневных духах», насылающих безумие на воинов, о «пении камней», предвещающих беду. Информации было много, но она была разрозненной, как кусочки мозаики, потерявшие свои края. Всё словно бы касалось чего-то важного, но общего знаменателя, той самой точки схождения, я не находила.

Синие огни в Вербесе упоминались в старых отчётах гео-

мантов как редкие феномены, связанные с выбросами глубинной энергии. Ливни в Мекеше за последние сто лет случались с цикличностью, но нынешние были в разы сильнее. Засухи в Феорилье... о них писали много, но всегда как о естественных бедствиях.

А о случаях, подобных тому, что произошёл с Паргусом, и вовсе говорилось намёками, сквозь зубы: «внезапная ярость лучших из стражей», «помутнение разума у испытанных магов». Никаких выводов, только констатация фактов. Словно кто-то намеренно вымарывал самые важные детали.

Голова гудела от напряжения и обилия имён, дат и теорий. Я откинулась на спинку деревянного стула, закрыла глаза, пытаюсь уложить в голове хоть что-то. Но получалась лишь каша из обрывков. Ответа не было. Только тревожное ощущение, что я смотрю на огромную карту, где отмечены все точки, но не вижу линий, которые их соединяют.

Скрип колесиков заставил меня вздрогнуть. Рядом остановилась одна из летающих платформ, а с неё спрыгнул седовласый библиотекарь, которого я видел утром.

— Тэба Лантерис? — произнёс он, и его голос, тихий и глубокий, идеально подходил для здешней атмосферы. — Уже вечер. Наши залы скоро закроются для посетителей.

Я взглянула в высокое витражное окно. За свинцовыми переплётами давно уже лежала густая ночная синева, подёрнутая дымкой городских огней. Время и правда подошло к восьми.

— Да, конечно, мастер Гаррик, — я с сожалением провела рукой по стопке ещё не прочитанных книг. — Я... пожалуй, отложу эти труды до завтра.

— Они никуда не денутся, — он мягко улыбнулся. — Знания терпеливы. Они ждали столетия, подождут ещё одну ночь.

Я поблагодарила его, собрала свои заметки — испещрённые беглым почерком листки — и направилась к выходу. Усталость накатывала тяжёлой, вязкой волной, смешиваясь с разочарованием. Я так надеялась найти хоть какую-то зацепку, хоть намёк для Паргуса, для себя, для всех нас.

Главный зал был почти пуст. Гасли светящиеся сферы, погружая бесконечные ряды книг в таинственный полумрак. Только где-то вдалеке скрипела пером одинокая студентка, засидевшаяся так же, как и я.

Массивные дубовые двери бесшумно распахнулись передо мной, впуская прохладный ночной воздух. Я сделала глубокий вдох, стараясь смыть с себя книжную пыль и чувство беспомощности.

И замерла.

Площадь перед библиотекой была пустынна. Ни экипажа, ни моего кучера, которого я ждала к восьми. Лишь пара стражников лениво прохаживалась у дальних фонарей.

Ветер крутил под ногами опавшие листья, и где-то вдали прокричала ночная птица. Я обернулась к библиотекарю, который уже собирался запереть двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.